

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда КАЛАШНИКОВА
Королевство Сердце

Сказка

Новокузнецк
2014

УДК 821.161.1
84(2Рос=Рус)6-4
К 17

Калашникова Надежда Николаевна

Королевство Сердце : сказка / Надежда Калашникова ; редактор и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – 2-е изд., испр. – Новокузнецк, 2014 . – 60 с., фото.

© Калашникова Н. Н.

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Учится на историческом факультете Кузбасской государственной педагогической академии. Выпускной курс. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. В 2009 году вышла её первая книжка – сказка «Королевство Сердце». В 2011 году вышли её книжки «Пушистая сказка» и «По зелёной жёрдочке». Данная книжка – второе издание сказки, исправленное автором.

Жили-были старик со старухой, их звали Покой и Серость. Дочка у них была, Скука. Дочка маленькая была, но родители в ней души не чаяли, и росла она не по дням, а по часам. Порядочно вымахала, только ума не прибавилось. Да оно и верно: откуда у скуки мозги.

Вот выросла, значит, Скука, скучно ей стало в родительском доме. Она и говорит: «Пойду по городам и сёлам, людей посмотрю, себя покажу. Авось не так скучно будет». Родители пытались чадо своё отговорить, но Скуке если что в голову втемяшилось, того топором не вышибешь. Отправилась Скука странствовать.

Где её носило – неизвестно. Вот раз идёт она по городской ярмарке, видит – в сторонке Дурак стоит и глаза на всё пялит. И на Скуку тоже. А надо сказать, что Скука одевалась очень ярко, пёстро и красилась так, что штукатурка сыпалась. Дураку это понравилось. И Скуке Дурак тоже очень приглянулся. Подошла она к нему, разговор завязали. Повёл Дурак Скуку к себе. Пробыла она с ним день, пробыла она с ним ночь... А наутро опять скучно стало, простилась с Дураком и ушла – куда глаза глядят, куда ноги несут.

Дурак с той поры совсем рассудком повредился. Ходит, как неприкаянный, и всё кричит: «Скука! Скука!..» Люди на него косятся, кто-то предлагает: женись, мол, всё и пройдет, вон девушка какая хорошая есть у нас, Работой зовут... Дурак только руками-ногами машет и кричит пуше прежнего.

А Скуке и горя нет, что она человека с ума свела. Год она по свету бегала, а потом воротилась к родителям и положила на кровать ребёнка: «Нате, воспитывайте, а мне с ней скучно нянчиться». А родила-то Скука Дурь, ту самую дурь, что от скуки берётся. По родителям она несколько не соскучилась и тут же упорхнула, денька не погостила.

Старикам охота, что ли, с ребёнком нянчиться, с Дурью маяться? Покою, само собой, покой нужен, а от ребёнка покоя не жди. А Серость всякие изменения в жизни ой как не любит. Ей надо, чтобы всё было одним цветом окрашено – и никаких поворотов, никаких встрясок. Потому и жили они с Покоем душа в душу. И никакие внучки им на дух не нужны были.

Сели они рядить, куда девать ребёнка. Утопить – а ну прознает кто, шуму не оберёшься... Покой и придумал: давай, говорит, отдадим её моей сестре, Равнодушию. У той, хоть земля тресни, один ответ: мне всё равно, меня не касается. Вот и сплавим ей девчонку, раз ей всё равно.

Решить-то они решили, да вот беда: Равнодушие от них в пяти верстах живёт, пешком не дойдёшь, ехать надо. Ехать – это такая

морока! Трясёшься по ухабам, ветер того и гляди шапку сорвёт, а вокруг мелькает всё новое, незнакомое... Да ещё день выдался солнечный. Покой говорит:

– Нет, не поеду я, растрясёт меня по дороге.

А Серость отвечает:

– Эх ты, старый пень! Тонка у тебя кишка на великие дела. Ветерок подул – ты уже закачался. А мне всё подвластно! Ставь против меня любой цвет – я покрою его серой пылью. Я могу покорить весь мир! Я сильнее всех на свете!..

Но внезапный порыв ветра распахнул форточку, и донеслись негромкие слова: «Есть сильнее тебя...»

Серость, плюнув, захлопнула окно, схватила орущую Дурь и пошла закладывать телегу, бормоча что-то под нос. И пока она ехала, всё вокруг как-то серело, блёкло; смолкали птицы, тускнели цветы и травы. Даже солнце больше не рассылало своих весёлых зайчиков, а висело в небе мутным шаром.

Наконец, приехали к Равнодушию. Она приняла незваных гостей спокойно и холодно. Когда Серость положила Дурь в угол на кучу тряпья, Равнодушие и бровью не повела.

О ребёнке она совершенно не заботилась, разве бросала ей в угол пожевать чего-нибудь. Когда бросит, а когда и нет. Но Дурь, несмотря на это, живучей оказалась. Подросла и ушла от Равнодушия на улицу. Спит под забором, ходит вечно вся в синяках, платье рваное, волосы немыты, спутаны... Смотреть страшно. Дурь, однако, о внешности своей не печалилась, умела она людей привлечь бесшабашной удалью, лёгким нравом да громкой славой. Народ за ней табунами ходил.

Время течёт незаметно, как песок сквозь пальцы. Как-то летним вечером заявила домой Скука, постаревшая, в пыльных лохмотьях. Да не одна, а с двумя дочерьми – Тоской и Обидой-на-Весь-Свет. Вид у этих девиц – краше в гроб кладут. На Тоску глянешь и думаешь, что проще в болоте утопиться. А на Обиду и вовсе смотреть страшно. Она красивая, платье в модную чёрно-жёлтую полосочку, но на лице такое презрение ко всему и вся!.. От подобной красавицы немудрено сбежать хоть к дурнушке какой, только поприветливей.

Вот какой народ пришёл к Покою и Серости. Те, как-никак, дочку столько лет не видели, обрадовались. Правда, Покой что-то тихонько ворчал, но его никто не слышал. Посидели за столом, поговорили, разошлись. И потянулись дальше серые будни.

Скуке, видать, надоело по свету шататься, перешла она на осёдлую жизнь. День-деньской валяется на диване, папироской дымит и в потолок поплёвывает. Тоска по кабакам пошла: каждый вечер с

зелёной бутылкой обнимается. Обида-на-Весь-Свет ничего не делает, ходит за околицей и плачется на свою горькую судьбинушку. И пакости соседям по ночам устраивает. А Покой с Серостью кормят всю эту ораву да тихонько вздыхают.

Месяц проходит, год проходит... Неизвестно, сколько годов прошло. В один прекрасный день Скука спрыгнула с дивана, с хрустом потянулась и протяжно так выговорила: «Ску-учно!..» И побежала искать своих дочерей. Всех троих в дом привела, даже Дурь где-то разыскала. Позвала и Серость с Покоем. И когда все уселись, повела речь. О том, как скоротечна жизнь, о великих делах и великой славе, о красоте и богатстве стран, где ей удалось побывать. Но правят этими странами коварные властители Работа, Веселье, Надежда. Где-то живёт принцесса Любовь. А ещё есть такой вредный мальчишка, подручник этих тиранов. Зовут его Негасимый Огонёк. Говорят, на чью сторону он станет, того победить невозможно.

Надо сказать, что Скука даром красноречия владела в совершенстве и могла убедить кого угодно в чём угодно. Даже собственного папашу, уж на что он непробиваемый. Так вышло и на этот раз. А предлагала Скука ни много ни мало – захватить какое-нибудь государство, выбить оттуда самозванных тиранов и царствовать в своё удовольствие.

Идея понравилась. Собрались не спеша все и в путь отправились. Долго ли, коротко шли, вдруг видят – навстречу странница идёт с котомкой. Поравнялась с ними и спрашивает:

– Кто вы такие и куда путь держите?

Обида-на-Весь-Свет отвечает:

– Ты сама сначала представься, а потом уж нас расспрашивай.

Странница усмехнулась, достала из котомки дудочку и заиграла. Полилась такая протяжная заунывная мелодия, что хоть сейчас ложись и помирай. Даже Тоска поморщилась.

Довольная произведённым впечатлением, странница спрятала дудочку и заговорила:

– Я – Уныние. Давно я хожу по свету, играю на дудочке и поработаю людей. Они легко и с радостью мне покоряются. Но есть у меня злейшие враги – Надежда, Вера да ещё проклятая черномазая Работа. Против них я ничего не могу поделать...

Я сейчас иду из королевства Сердце. Может, слышали о таком? Шикарное владение. Полно, конечно, всякого сброду. Есть и приятные личности, вроде Лени да Чёрного Омута, но они способны только на мелочи. Я же ищу сильных союзников, чтобы подчинить это Сердце. А вы кто такие?

Рассказали, кто есть кто, и говорят:

– Мы идём с той же целью. Присоединяйся к нам.

Глаза Уныния засверкали.

– Ну, с таким народом я переверну это поганое Сердчишко, а там и за остальных примусь, – пробормотала она, указывая дорогу.

Пока эта честная компания направляется к границе, вынашивая наполеоновские планы, надо посмотреть, куда они так торопятся. Другими словами – узнать, что это за королевство такое.

Далеко-далеко, за синими морями, за высокими горами, за дремучим лесом раскинулось королевство Сердце. Воздух в нём привольный, луга раздольные, земли плодородные, в земле груды золота лежат.

В центре Сердца стоит замок со шпилями и куполами. Семибашенный. В главной башне живут Мечта, Надежда и Лень.

Мечта главную башню голубым цветом выкрасила. Переливается она на солнце, как волна морская. Да и сама Мечта голубое платье носит. Выйдет на балкон, полной грудью дышит, любуется на окрестности. И ею все любуются. Из башни Мечта не выходит. Боится, что обидят её, такую красивую и беззащитную. А тут ещё Лень нашептывает: «Ты не создана для толпы, она не поймёт тебя, растопчет; изломаешь ты белы ручки; нечего тебе там делать». Мечта послушает, повздыхает, да так и сидит на одном месте.

Бывает, такая тоска на неё найдёт, что с балкона впору бросаться. И бросилась бы, если бы не Надежда. Та взглянет, улыбнётся – и легче станет, жить дальше можно. Надежда – удивительное существо. Юная и прекрасная, а волосы совершенно седые. Мечта как-то спросила, почему так? И почему бы ей не покраситься? Надежда ответила:

– Я живу дольше всех на этом свете, мне суждено умереть последней. На моих глазах умирают друзья, а я не имею права даже заплакать. Я по-прежнему улыбаюсь, обещая свет и добро. А боль выливается вот во что, – и провела рукой по волосам. – И нет на земле такой краски, которая могла бы скрыть её.

Мечта в ответ только глазами хлопала.

Главную башню хороводом окружили шесть башенок поменьше. В каждой из них – по жильцу. Вот в зелёной башне обустроился задорный мальчуган Юмор. Этого дома не застанешь, дни напролёт где-то пропадает, потом опять объявляется.

Рядом с Юмором проживает Великий Скептик. Великим его прозвали за то, что он носит кольчугу и до ушей увешан оружием. Правда, в ход не пускает – и то ладно. Хватит и того, что язвит всё и всех подряд. Больше всего Великий Скептик придирается к Романтике – и платье на ней легкомысленное, и характер вредный, и

жильё своё умудрилась в розовый цвет выкрасить, весь вид портит. Свою-то башню Скептик укреплял, будто не сегодня-завтра враги нагрянут. Железом обил, на дверь замок с «секретом» навесил. Мало того – пушку откуда-то приволок, в башню закатил и дуло наружу выставил. В помещении места живого не осталось, так что спал Скептик на полу, съёжившись. А во сне ему снилась Романтика...

А Романтика завела ручного голубя и жалуется ему (а заодно и всем обитателям замка), какой козёл этот Великий, не даёт ей жить, прямо-таки душит. Ночами же, едва ложилась Романтика на свою кружевную постель, снился ей Скептик. Злилась Романтика на саму себя, да ничего не могла поделать.

В одной из башенок окопался Страх. Скрюченный старикашка, он старается не попадаться никому на глаза, а исподтишка строит всякие козни. Башню свою он даже не красил, так она и стоит вся обшарпанная, с отбитыми кирпичами.

Живёт в замке и девочка Любовь. Маленькая она ещё, необстрелянная. Любит спецэффекты. Вот и башню свою красной сделала, за версту горит, как огнём. Кстати, у Любви есть любопытное свойство, как у хамелеона: у неё волосы меняют цвет под настроение. И становится Любовь то ангелочком белокурый, то рыжей зеленоглазой ведьмой – даром что ей пять годочков на вид.

Последнюю башню занимает Упрямство. Это очень своенравная дама. Дашь ей палец – до плеча руку отхватит и скажет: «Мало!» Ругается, как извозчик, и гоняет на лошадях, рискуя свернуть себе шею.

Чуть в стороне от замка стоит сторожевая башня с вышкой. Там живет стражник – Совесть. С высоты ей всё как на ладони видно.

И стала как-то замечать Совесть, что дела в королевстве в упадок приходят. Весной сеять пора – сеятели отмахиваются: «А! Успеем! Времени ещё много!» Боронить, пахать надо – пахари дрыхнут до обеда, потом глаза продерут, наедятся прошлогодних запасов и дальше спать завалятся. В замке неделями ничего не убирается – пыль, сор, пауки в углах, тараканы бегают... Все жалуются друг другу: «Ах, какой бардак! Какой ужас! За что нам это наказание!» Вскоре обвинять один другого принялись. Да ещё такими словами, что цветы в горшках окончательно завяли. Они и так-то усохшие были, не поливал никто. А ругань нежные цветы добила хуже засухи.

Ладно бы только ругались, а то до драки дошло: Мечта вцепилась Романтике в волосы и орёт не своим голосом: «Это ты довела нас до такого состояния. Я хоть не лезу, когда меня не спрашивают! А ты только обещать мастерица! Все беды от Романтики!» Позади прыгает Страх; он схватил свой цыганский бубен и выбивает звучную дробь в

такт воплям Мечты. Надежда подбежала к драчуням, хотела разнять – а Мечта ка-ак заедет ей локтём в нос! Надежда где стояла, там и села. Любовь смотрит на всё это безобразие, глазёнками захлопала, побледнела – и в обморок. Совесть кричит с вышки в рупор: «Прекратите!» Куда там!..

Как раз Упрямство домой возвращалась на лихом коне. А тут ещё Скептик зарядил свою пушку да как шарахнет в воздух! Лошадь понесла, кого-то сшибла, Любовь чуть не растоптала... В общем, когда все маленько очухались и Юмор привёл Любовь в чувство, никто не мог вспомнить, с чего всё началось. Пока Совесть (ей по долгу службы полагалось всё замечать и соображать быстрее других) не проговорила: «А где Лень?»

В ответ из главной башни донёсся издевательский хохот. Лень стояла на балконе, уперев руки в бока, и от души наслаждалась происходящим.

Совесть выпрямилась и крикнула:

– Это твои проделки! Ты давно Сердце расшатываешь! Убирайся!

Лень хочот пуще прежнего. Наконец, отсмеявшись, дала такую отповедь:

– Ты, Совесть, глотку зря не дери, ступай на свою вышку и сиди там, как мышка в норке. Руки у тебя коротки – меня выгнать. А вы, остальные, мне сослужили неплохую службу. Будете паиньками, ещё сослужите.

– Не будем мы паиньками! – выкрикнула Упрямство.

– Ты, Упрямство, хочешь со мной силой помериться? – вкрадчиво спросила Лень.

Упрямство как-то сразу скисла и ничего не ответила.

Вскоре после того случая объявился в Сердце очень важный господин, красивый как чёрт. Звали его Чёрным Омутом. Кто такой? Что ему надо в Сердце? Никто ничего не знал. Поговаривали, что настоящее его имя в строгом секрете, что сам он... Но стоит ли передавать досужие толки? Достаточно сказать, что Чёрный Омут поселился в главной башне, закрутил роман с Мечтой и стал править балом во всём королевстве.

Любил он шиковать. Что ни день – то пирушка да попойка. Все запасы в королевстве уничтожили, откуда новые берут – неизвестно. В замке шаром покати, жильцы ходят и зубами клацают, как волки зимой. А в главной башне каждый день веселье. Вино рекой, закуски всякие из окон швыряют от нечего делать. Потом музыка начинается, и Мечта прямо на столе танцует. Лень возлежит на кровати и в ладоши такт отбивает. А чуть погода Чёрный Омут спихивает Лень с кровати и сам её занимает. С Мечтой вместе.

Надежда не выдержала – убежала из главной башни. Походила-походила – куда бы приткнуться? Слышит: зовёт её Романтика к себе. Обрадовалась Надежда. Поднялась к Романтике, сели они рядышком и заплакали навзрыд. А нарыдавшись вволю, принялись утешать друг друга: будет, мол, и на нашей улице праздник, только надейся и жди.

Тут скрипнула дверь и вошёл Скептик. С минуту он молча стоял, а потом высказался:

– Может быть, уважаемые дамы скажут, чего именно они ждут и на что надеются? Рыцари без страха и упрека давно перевелись. А если даже и остались, то уверяю вас, от них хлопот ещё больше, чем мы сейчас имеем.

Между прочим, у нас уже не королевство, а проходной двор. Я на той неделе встретил Совесть; она в трауре: ах, какой я негодный стражник. А сегодня захожу – Совесть в дупель пьяная и спит мертвецким сном. Остались мы без стражника, а вы тут о всяких праздниках...

– Хоть со стражником, хоть без него – хуже всё равно уже быть не может, – возразила Романтика.

– Девочка моя, поверь, что может...

– Я тебе не девочка! – взвилась Романтика, почему-то краснея. – Убирайся живей из моего дома, пока я с лестницы тебя не спустила!

Скептик, усмехнувшись, вышел. Едва он захлопнул дверь, как услышал грохот и звон осколков. Это Романтика метнула ему вслед ни в чём не повинный глиняный кувшин. Что это кувшин, а не тарелка какая-нибудь – Скептик, конечно, знать не мог. Однако мелодичный звон разбиваемой посуды звенел у него в ушах весь день. И как ни тряс Скептик головой, как ни старался его прогнать – ничего не получалось.

– Мы пришли. Здесь граница, – Уныние бросила котомку на землю.

– И никто не охраняет? – протянула Скука.

– Охрана внутри. Совесть, будь она трижды проклята...

– А мне не страшна никакая Совесть, – сказала Серость. – Она меня просто не увидит. Я пойду первой.

Серость пошла по королевству, с любопытством оглядываясь. Но очень быстро любопытство сменилось недовольством. Слишком ярким и живым было Сердце, по мнению Серости. «Ну ничего, я быстро наведу здесь свои порядки», – пробормотала она, подбираясь к замку.

Обошла все башни, поглядела, кто где живёт, и направилась в главную. Там гулянье в самом разгаре. Но едва Серость переступила порог, как Чёрный Омут мигом развернулся к двери и спрашивает:

– Ты кто и что тебе здесь надо?

– А ты лихой парень. Я всё Сердце обошла, никто не заметил. А ты – сразу... Не зря, видать, в главной башне живёшь. Я – Серость, великая и могущественная. А ты кто такой?

Чёрный в ответ усмехнулся:

– Чёрным Омутом здесь меня кличут, и ты зови также. А не хочешь ли, Серость, заключить со мной дружественный союз? Я бы от такой помощницы не отказался.

– Я согласна.

– По рукам!

Так и осталась Серость жить в главной башне.

Следующим в Сердце отправился Покой. Шёл, опираясь на батожок, часто останавливался и говорил сам себе: «Вот доберусь до тёплого жилья, лягу на перинку и трубочку закурю. И главное – ни о чём не думать. Вот благодать-то!»

Дорога Покою попала какая-то неровная. В колдобинах да ухабах, бульжники там и сям валяются. Обругал Покой нерадивых строителей и сошёл с дороги. По мягкой травушке пойти решил. Да не тут-то было: сделал два шага – запнулся о корень и полетел вверх тормашками.

– Да что же это такое на свете деется! – причитал старик, поднимаясь и отряхиваясь. – Вот уже замок видно, а в нём непременно перинка пуховая должна быть. Да не одна. Надо добираться...

Не успел он договорить, как земля под ногами заколыхалась. Землетрясение началось. Покоя подхватило, швырнуло, перевернуло и наполовину засыпало землёй и всяким хламом.

– Ой-ой-ой! Прекратите! Я... это... ухажу! Не пойду в замок!

Землетрясение остановилось. Покой еле выбрался из завала. «Видно, чует меня Сердце и пускать не хочет, – догадался Покой. – Пойду-ка я лучше куда-нибудь на окраину, найду маленький домишко и буду тихо жить-поживать. А тут, в центре, беспокойно слишком».

Так он и сделал. И зажил припеваючи.

Вразвалочку, вперевалочку двинулась в путь Скука. Заглянула в маленький неприметный домик – и увидела своего отца.

– Слушай, папа, ты чего здесь делаешь?

– Живу. Мне тут, понимаешь, хорошо, спокойно. Соседки сердобольные еду приносят. Лежу да покуриваю. Что старику ещё надо? Кстати, затянуться не желаешь?

Скука с наслаждением сделала пару затяжек и вернула трубку.

– Ну что это за жизнь – курить да валяться. Скучно. Я лучше в замок пойду. В замках, говорят, постоянно борьба идет не на живот, а на смерть.

– Борьба... Ой, слово-то какое сказала ты, доченька! – закашлялся Покой. – Да зачем она нужна-то? Это ж верная смерть!

– Ха! Смерть... Всё равно помрём когда-нибудь. А зачем нужно вообще всё на свете? Чтоб со скуки не подохнуть. И борьба затем же.

– Не ходила бы ты в замок, доченька...

Скука взвилась, будто её кипятком ошпарили.

– Не ходила бы?! Это на кой же тогда ляд мы сюда тащились? Сам трус и других такими же хочет сделать. Я никого и ничего не боюсь! – с этими словами Скука выбежала из дома, хлопнув на прощание дверью. Да так, что с крыши солома посыпалась.

Идёт Скука по дороге и видит – маленькая, худенькая, оборванная фигурка навстречу. И вокруг никого. Остановилась Скука и спрашивает:

– Девочка, как тебя зовут? И почему ты совсем одна? Такой маленькой нельзя гулять одной.

– Меня зовут Любовь. А одна я, потому что у меня совсем не осталось друзей. Раньше... раньше так хорошо было... – и Любовь разревелась.

Скука обняла её, а у самой на уме: «Так вот, оказывается, какая Любовь! Я много о ней слышала. Но она так мала и наивна, что не может быть серьёзной соперницей. И всё-таки её надо устранить».

Любовь между тем кое-как успокоилась и рассказывала:

– Мы живём в большом красивом замке. Вернее, он раньше был красивый. Нам было весело жить. По вечерам мы собирались во дворе, разводили костёр. Мечта танцевала, Романтика пела, Юмор шутил и показывал всякие трюки и фокусы. Упрямство рассказывала истории о смелых людях. А Надежда и Скептик играли в шахматы, Надежда – белыми, а Скептик – чёрными. И мы разделялись на два лагеря и болели за них. И Совесть заглядывала к нам на огонёк. Даже когда Страх делал нам всякие пакости, мы не обижались, только смеялись. Со мной все тогда играли и дружили. И было что покушать. Тогда Лень была маленькая. А потом она выросла, стало так плохо, так плохо! Все стали ссориться, ругаться. Уже костёр никто не зажигал и вместе не собирался. И стало нечего есть. А потом, – Любовь зашмыгала носом, – потом пришёл Чёрный Омут. Я его боюсь. Он такой красивый, а по правде – страшный. Они теперь каждый день в главной башне пируют, а кто с ними не хочет – те голодные. И я теперь совсем одна, и мне кажется, я скоро умру. Тётя, ты нам помочь не можешь?

Скука погладила Любовь по голове:

– Бедная маленькая девочка! Ты, видно, совсем ничего не знаешь о жизни. Все ваши песни и пляски ровным счетом ничего не стоят. Они наводят скуку.

– Нет, нет! Нам тогда не было скучно!

– А если вам не было скучно, что же вы всё забросили? – вкрадчивым голосом спросила Скука.

– Да я же говорю: это всё Лень и Чёр...– Любовь вдруг зевнула. – Мне скучно. Фу, почему ты такая противная, тётя? – Любовь отвернулась, с треском зевнула ещё раз, зашаталась и свалилась в траву.

– Вот и отлично, – проговорила Скука. – Всё, что надо, я узнала, а девчонка будет спать долго. На наш век хватит.

В замке Скука преспокойно устроилась в главной башне. Серость ворчала, но ей пришлось уступить.

Не успели обитатели главной башни договориться – слышат: во дворе какой-то шум, гам, крики, визг, хохот... Выглянули в окно – а это Дурь вокруг себя весь замок собрала и рассказывает какую-то историю. Похоже, ужасно смешную, потому что все от смеха по земле катаются и визжат, как поросята под ножом. Мечта увидела: «Я к ним хочу!» – окошко распахнула да как сиганёт! Ушибла левую ногу и чуть пониже спины. Однако чары Дури оказались сильнее, и Мечта принялась хохотать вместе со всеми.

Оставшаяся четвёрка переглянулась. Чёрный Омут захлопнул окно и сказал:

– Интересная дама. С её помощью можно много сделать.

Скука фыркнула:

– Интересная! У неё папаша полоумный был, вот и...

– Пока дураки кривляются, умные люди за их спиной проворачивают большие дела.

– А мы тут все умные люди, не правда ли? – добавила Лень со своего ложа и ухмыльнулась.

– Давайте заключим союз, – проговорила Серость. – Всегда и везде работать друг на дружку. Тогда мы будем непобедимы.

– Работать! – физиономия Лени скривилась, будто она проглотила лимон с солью.

Скука повторно фыркнула и покосилась на мать.

– То не хотела власть делить, то в союз зовёт... Разберёшь тебя днём с фонарём!

– А что, – задумчиво протянул Чёрный Омут, – это идея. Каждый сам по себе, конечно, очень силён, но что будет, если объединиться!.. А то грызёмся, как пауки в банке. Этак нас враги поодиночке ухлопают.

– Скажешь тоже: враги! В этом королевстве нет ни одного серьёзного противника, – сказала Скука.

Лень тут же откликнулась:

– О, да! Уж я об этом позаботилась. Работы (при этом имени Лень опять сморщилась) в наших краях отродясь не бывало. А эти

обормоты... Ну что они могут сделать? Им лень даже думать. Есть, правда, один вредный тип – Почемучка. Ему не лень задавать всякие дурацкие вопросы. Только и слышишь: «почему», «зачем», «как», «а это что, это для чего». Пренеприятнейшая личность. Но он снимает какую-то хибару на окраине, сюда он не сунется.

– На окраине? – переспросила Скука. – Там же Покой поселился. Надо будет найти Почемучку и свести с ним, вот будет умора!..

– С ума, что ли, сошла? – зашипела Серость. – Всё испортишь!

– С каких это пор мне стали рот затыкать? Ты, мать, забыла, кто вас сюда привёл? Не я – так бы и сидела в своей развалюхе. А тут надо же – понравилось...

Серость уже приготовилась метать громы и молнии, но Чёрный Омут встал между ними и проговорил:

– Спокойно, девочки. Предлагаю немедленно заключить союз четырёх и никогда не расставаться. И не ссориться, – добавил он чуть погодя.

– Ладно. Согласны, – пробурчала Серость.

Пока суд да дело, шум во дворе поутих. Дверь отворилась, и в башню вошла, нет, ввалилась Мечта.

– Чёрный Омут! – простонала она. – Спаси меня! Там пришла зелёная тётка, она всем дает пить какое-то зелье, от него так мерзко! А-а-а!..

– А зачем ты пила? – спросил Чёрный, скрестив руки на груди.

– Так все пили, и я... Ой, не могу, мне плохо, меня щас вырвет! Спасите!

– Хороша, однако, у меня дочка, – прищурилась Скука, глядя на Мечту.

– Я не дочка! Я ночка, квочка, – язык у Мечты окончательно заплёлся. Она еле стояла на ногах.

– Дура ты набитая! – не выдержала Серость. – Это Тоска тебя напоила. Ей вон дочка, – махнула на Скуку, – а мне внучка. Поняла, красотка?

Пожалуй, красоткой Мечту назвать было трудно. Мятое грязное платье, мутный взгляд, хватание за стенку... Чёрный плюнул и выбежал из башни.

Слышит: за углом крики и вопли. Ругнулся, выбежал за угол и видит такую декорацию: весь двор залит чем-то тягучим и зелёным, как болотная жижа, валяется пустая бочка, рядом с ней валяется Юмор, Романтика идёт по стеночке, а посреди двора тузят друг друга Тоска и Дурь. И орут дурными голосами:

– Красный!

– Зелёный!

– Красный!

– Зелёный! Зелёный, и точка!

– Я сказала – красный!

Чёрный Омут сначала полюбовался на них, потом расшвырял в разные стороны и спрашивает:

– Это у вас от зелья чердаки поехали или по другому поводу?

Дурь, утирая кровавые сопли, заверещала:

– Я хочу жить вот в этой красной башенке, а эта жаба хочет её зелёной сделать, плесень навести. Не допущу!

Тоска в ответ:

– У меня от твоего красного зубы ноют. Я тоже хочу здесь жить.

Чёрный улыбнулся:

– У нас уже есть зелёная башня. Бывшее вон его, – кивнул на Юмор, – жильё. Пойдем, провожу.

Взял Тоску под руку и удалился. Надолго.

Где-то часа через два Юмор прочухался, кое-как поднялся и – по стеночке – пошёл домой. Приходит – что за юмор! Башенка была весёлого зелёного цвета, а теперь будто в болото окунули. Скоро лягушки заквакают. А из башни чьи-то голоса доносятся.

Юмор послушал с полминуты, ругнулся, пошутил сам над собой и пошёл – куда глаза глядят. Идёт и встречает Романтику. А та взволнованная такая:

– Юмор, ты Любовь случайно не видел?

– Нет. Давно уже.

– А вдруг с ней что-нибудь нехорошее случилось?

– Ну посуди сама, Романтика: что может случиться с Любовью?

– Но она ещё такая маленькая...

Юмору внезапно передалась тревога Романтики.

– А ведь, и правда, я давно её не встречал. Почти с того времени, как пришла Скука.

Романтика подняла сухую веточку и помахала ею. Прилетел белый голубок и сел на руку.

– Тебе сверху всё видно. Подскажи – куда пропала Любовь? – прошептала она птице.

Голубок заворковал и полетел, как бы приглашая следовать за собой.

Романтика и Юмор пошли за ним. Шли, шли и увидели Любовь; она лежала на траве и поначалу показалась им мертвой. Но Юмор потрогал пульс, послушал сердце и вздохнул:

– Это просто глубокий сон. Но настолько глубокий, что нам её не разбудить. И никто из наших не разбудит.

– Её надо отнести в замок. Нельзя же её здесь оставлять.

– А куда мы её денем? Мою башню заняла Тоска с Чёрным. А где Любовь жила, там Дурь поселилась. И вообще – как бы ей там чего плохого не сделали, – озабоченно сказал Юмор.

– Ты же сам говорил, что с Любовью ничего случиться не может.

– В нашем замке всё может...

– Ну, хватит сопли разводить! Юмор называется! Бери ребёнка и пошли! В моей башне уложим. В случае чего – Скептика кликнем. Он им покажет...

– Ну чего твой Скептик показать может? Фигу в кармане?

– Ничего он не мой, и сам ты фига без кармана, – непонятно с чего обиделась Романтика и убежала на десять шагов вперед.

Юмор пожал плечами, глядя вслед Романтике. Затем бережно взял Любовь на руки и понёс. Какая же она была бледная и грустная! Грусть застыла на детском личике, и трудно сказать, шло ему это выражение или нет.

Чудом успел Юмор донести Любовь и спрятать в башне Романтики. Припожаловала в королевство важная персона – Обида-на-Весь-Свет. Зырк-зырк глазами туда-сюда. Зашла в гости к Страху.

– Ты кто?

– Страх. А ты?

– Обида-на-Весь-Свет. Слугой моим будешь?

Страх попытался обидеться:

– Мы все свободные граждане, а тут...

– Заткнись! – перебила Обида. – Ненавижу свободу. Да и ты такой же, иначе не забивался бы в тёмную нору. Так что давай по-хорошему.

– Согласен, согласен, – угодливо забежал Страх.

– Для начала сядь, заткнись и расскажи мне, кто тут есть кто. Только про моих родичей не надо. Я их до печёнок знаю.

– Ну... тут живу я, потом Чёрный Омут, Мечта, Лень... Романтика, Юмор, Упрямство, Надежда и Любовь.

– Что?! – Обида вскочила, опрокинув стул. – Любовь?!

– Успокойтесь, госпожа, успокойтесь, – лепетал Страх. – Я видел, как Юмор нес её спящую. Она спит вечным сном и никогда не проснётся.

– Спящая – это хорошо... Я предпочла бы видеть её мёртвой, но раз она спит, то нет проблем. А вот с Юмором надо разобраться. – Обида вышла, даже не прикрыв за собой дверь.

Юмор в это время прохаживался по двору, думая, куда бы приткнуться. Вдруг, словно из-под земли, выросла перед ним незнакомка и спрашивает:

– Ты Юмор?

– Да. А...

– А я Обида-на-Весь-Свет. А два козла на узкой тропинке не разойдутся. Убирайся.

– Это ещё с чего?

– Ты ещё задаешь вопросы? – Обида взглянула Юмору прямо в глаза. Холод пробрался не только в душу, но и в пятки. Что тут сделаешь? Развернулся Юмор и пошёл, куда глаза глядят. «Зато не надо голову ломать, где поселиться, – размышлял он. – Лучше уж под открытым небом ночевать, чем в этом гадюшнике. Только Любовь жалко. Проснётся ли она когда-нибудь? Какой такой принц разбудит нашу спящую красавицу?.. Эх, мне это не по силам, а жаль».

Юмор свернул с дороги и забрёл в лес. Потому и не видел и не слышал, с каким торжеством шествовала по завоёванному королевству Уныние. Заслышав её музыку, народ разбежался, затыкал уши, зарывался в подушки и в землю. Но всё было напрасно: похоронная мелодия проникала под череп и разъедала мозг, замедляла ход сердца.

В замок Уныние не пошла. Разбила под деревом палатку, лежит, на дудочке поигрывает. Чего-то вроде не хватает. Скука её курить научила. А вскоре они нашли какую-то травку с беленькими цветочками, стали заваривать и пить. Выпьешь – и так хорошо... До вечера. А потом опять выпить хочется...

Как-то они показали эти цветочки Чёрному Омуту. Он посмотрел и говорит:

– Такие штуки называют наркотиками. Я сам люблю этим делом баловаться, только у меня они поинтересней. – Достал из кармана пару круглых конфет и протянул Скуке и Унынию.

Те съели, в голос закричали:

– Давай ещё!

Чёрный смеётся:

– Больше не дам. Со второго раза привыкнете смертно. А я предпочитаю особо ни с кем не делиться.

– Жмот!

– Да, я эгоист, – с достоинством подтвердил тот, – но чья бы корова мычала...

– Это я-то эгоистка? – завопила Уныние. – Да я всей душой!.. Да я всех сюда привела! Да...

– Погоди, Уныние, – перебила Скука. – Чёрный, ты лучше скажи, откуда ты каждый раз берёшь вкусности и всякие побрякушки для Мечты. У нас ведь никто ничего не делает, жрут, что найдут, и ходят в репье. А ты Мечту как куколку наряжаешь, и брюхо до отвала

набить можно. И сам ты такой обворожительный, что я прямо не знаю... – последнюю фразу Скука чуть ли не промурлыкала.

– Что важнее всего в жизни? Вкусная еда, красивая внешность и приятное времяпровождение, – ответил Чёрный, обнимая Скуку за талию. – А каким способом это добывается – не так уж важно.

– Скука, ты грибы собирать любишь? – спросил он внезапно.

– А?.. Ты о чём? – встрепенулась Скука.

– Я говорю, грибы любишь собирать? А то я недавно грибную полянку нашёл. Да пойдём, покажу.

Уныние мрачно усмехнулась вслед уходящей парочке.

– Грибы... Видала я ваши грибы в белых тапочках в гробу!.. Всё-таки неправ Чёрный, что важнее всего удовольствия. Главное – сила! Власть! Когда перед тобой бессильны тысячи! Вот это я понимаю!!!

Живёт на свете такой непоседливый мальчишка – Негасимый Огонёк. Как все мальчишки, обожает приключения и путешествия. Но в отличие от большинства, на чью долю выпадают лишь мечты да вздохи, Огонёк действительно кочует с места на место. И уж где побывает – там его не скоро забудут.

Вот как-то раз шёл Огонёк, шёл, по сторонам глядел, песенку насвистывал. А чего, спрашивается, не насвистывать? Денёк славный выдался: солнце светит, а если облака его и скроют – так зато ветерок подует. А ветер Огонёк любил едва ли не больше солнца.

Вдруг видит Огонёк: идёт ему навстречу какая-то девушка, да идёт так, что того и гляди свалится. Вовсе остановилась, стоит, качается, воздух ртом хватает. Огонёк подбежал к ней, уложил на траву, напоил из походной фляжки. Девушка очнулась и застонала.

– Кто ты? Что с тобой? Как ты здесь очутилась? – спрашивает Огонёк, а сам смотрит на неё и дивится: девушка вроде юная, а волосы совсем седые. «Может, не надо было спрашивать? – думает он. – Может, у неё какое-нибудь горе?»

– Я не могу больше так жить, – прошептала девушка и закрыла глаза. Но тут же снова открыла.

– Я знаю, мне нельзя расслабляться, ведь я Надежда... Но я, правда, не могу больше находиться там, – и она слабо махнула рукой куда-то. – Я жила в Сердце – это королевство наше, – но там начался ад, и я не выдержала... Я сбежала...

– Так ты Надежда? Что бы у вас ни случилось, раз ты жива – ещё не всё потеряно, ведь надежда умирает последней.

– Да, я жива, но я не там, где должна быть... И вообще от меня нет никакого толку. Как и от всех наших... Я хотела найти Веру и Работу, но я не знаю, где их искать. Кстати, ты сам-то кто такой?

– Негасимый Огонёк.

– Правда? – воскликнула Надежда и схватила его за руку. – Это о тебе ходят легенды, что ты непобедимый?

– Мало ли каких легенд ходит, – проворчал Огонёк. Не любил он излишнюю знаменитость.

– Нет, правда! Я пошла искать кого-нибудь, кто мог бы нам помочь, а тебя встретить я и не надеялась. Помогите нам, пожалуйста! У нас... у нас... – Надежда опять начала задыхаться.

– Да прекрати ты нервничать и расскажи толком, что там у вас стряслось?

Надежда внезапно успокоилась и заговорила коротко и быстро, словно топором рубила:

– Государство на грани развала. Нечего есть. Нечего одеть. Стражи нет. Борься некому, да никто и не умеет. Нас оккупировали Лень, Уныние, Серость. И ещё разный сброд.

– Что ж вы позволили оккупировать себя разному сброду? – усмехнулся Огонёк.

– Как-то так вышло... Вначале думали – ладно, авось само всё пройдёт, а потом поздно было... Мы ж ни бороться, ни работать не умеем...

– А вы твердите побольше: «не умеем да не знаем». Думаешь, я умею? Или Вера и близняшки, к которым ты собралась? Просто мы нытья не разводим, а прикидываем, как что лучше сделать – и делаем. Не боги горшки-то обжигают...

Надежда промолчала. Потом, чтобы хоть что-то сказать, спросила:

– А что это за близняшки?

– Работа и Веселье, – Огонёк улыбнулся. – Вообще-то они не сёстры, даже внешне не похожи. Но друг без дружки прожить не могут, всегда вместе ходят. Вот их и прозвали так.

– А ты их знаешь?

– А как же! Давние друзья... Не одно дело вместе проворачивали...

– Ой, Огонёк, скажи, где их искать, а то нам без них не справиться...

– Да вы и не пробовали, – проворчал он. – Кстати, кому это «нам»? От чьего имени ты говоришь?

– Нас мало осталось: Романтика, Скептик, Упрямство непонятно за кого, Юмор выгнали, Любовь усыпили...

– В смысле – усыпили? – спросил Огонёк, чувствуя непонятное волнение.

– Ну, не знаю, спит и всё. Разбудить её кто-то должен. Кто-то пришлый, не из наших... – и Надежда как-то странно взглянула на

мальчишку. Тот отвернулся и зачем-то стал поправлять шнурок на ботинке. Но очень быстро это занятие ему надоело.

– В общем, я гляжу, с вами каши не сварить. Надо самому порядок наводить. Значит, давай говори, в какой стороне ваше Сердце, а Работу и прочих ищи там-то и там-то. И долго не затягивай, а то один в поле, знаешь, плохой воин...

Добрался Огонёк до Сердца, идет и дивится на царящее запустение. Всюду бурьян, репей; дома иные набок заваливаются; крыши прохудились, плетни покосились... «Работа, милая, как же тебя здесь не хватает», – думает Огонёк.

А вот один домик очень даже приличный с виду. И дымок из трубы идёт.

– Так, а здесь, похоже, нормальным жильём пахнет, – пробормотал Огонёк. Сам-то он был вечным бродягой, не знал ни дома своего, ни родни, но уютные домики очень любил. Правда, дольше суток в них не задерживался.

Постучал в дверь – не заперто. Зашёл. Печка топится, койка с кучей перин, одеял и подушек. Дым табачный коромыслом. Пахнет чем-то пригорелым. И сквозь дым угадываются две фигуры – одна на койке, другая у печи.

– Люди добрые! – проговорил Огонек. – А нет ли у вас, чем накормить усталого путника?

– А ты ещё кто такой? – заверещала фигура у печи. С ухватом в руках подскочила к Огоньку и начала бесцеремонно его разглядывать. – Да ты рыжий! А ну убирайся!

– Я-то рыжий, а вы каковские?

– Кто там опять воду мутит? – донеслось с перин. – Опять этот проклятый Почемучка? Привычка, гони его в шею!

– Ты, Покой, лежи да помалкивай! – сверкнула глазами Привычка, маленькая вёрткая бабёнка неопределённых лет. – Я сама разберусь, что мне делать!

Огонёк попытался разглядеть Покоя, но сквозь дым это не удалось.

– Сударь Покой, – сказал он, оставив бесплодные попытки, – позвольте представиться: я Негасимый Огонёк, направляюсь в это королевство, и скоро здесь небу станет жарко, а покоя не будет даже в вашей хижине. Мое дело предупредить, а вам решать, можно ли здесь оставаться.

С этими словами Огонёк вышел из дома и направился дальше, нимало не заботясь о том, что делалось после его ухода.

А там началось смятение. Покой даже встал с кровати, что случалось лишь в исключительных случаях. Встал и заходил по комнате, а потом сказал Привычке:

– Мне что-то надоело здесь. То дочь что-нибудь отчебучит, то Юмор нос свой сунет. Почемучка меня чуть в гроб не вколотил... А про Негасимого я слышал. Уж если он сюда притащился, то мне уносить ноги надо. Мы вместе не уживёмся.

– Куда ты пойдёшь? – возразила Привычка. – Я тоже про Огонька слышала, но это всё трепотня. Он один, а наших в замке куча. Они его сгноят.

– Ох, не верю я... Не дастся он так просто. А помнишь пословицу: если один бросил вызов многим – он уже не один? Эдак у него ещё союзнички найдутся...

– Какие еще союзнички?! – завизжала Привычка. – С ума ты сошёл, что ли? Откуда?

– Мало ли... Помяни мое слово – добром это не кончится. Покоя тут не жди... Пойду-ка я искать по свету спокойный уголок.

– Может, тебе ещё карету подать? – язвительно прошипела Привычка. – Для удобства поисков?

– Что за дурацкие шутки! – отмахнулся Покой. – Я не переносу езды.

С этими словами Покой, вздыхая, взял из угла посох, распроштался с Привычкой, которая обслуживала его в последнее время, и пошёл куда подалеже от такого беспокойного Сердца.

А Привычка долго ещё пряталась по оврагам и задворкам, ночевала под чужими заборами. Живучая оказалась баба и вреднющая – страсть! Столько пакостей жителям понаделала! Кто-то в отместку спалил её дом. Ненадолго это охладило привычкин пыл. А потом опять за старое. И когда случались у жителей какие неурядицы, смущенно говорили: «Вишь ты, опять Привычка куролесит».

Долго ли, коротко ли – шёл Негасимый Огонёк и, наконец, подобрался к замку. Вдруг послышалась откуда-то музыка, да такая замогильная, что зелёная трава под ногами серой сделалась. Огонёк поморщился и пошёл на звук.

Видит: из куска холстины сделана палатка, под ней лежит кто-то в хламиде и на дудочке наигрывает, да так самозабвенно, что и на подошедшего внимания не обращает. Наконец, этот кто-то перестал играть и вопрошает грозным голосом:

– Почему не трепещешь?

Огонёк ошалел маленько. Надо сказать, музыка здорово на нервы действовала. Головой тряхнул и в свою очередь спрашивает:

– А с чего бы мне трепетать? Я вроде не рубаха на верёвке.

– Как ты смеешь со мной так разговаривать, дерзкий мальчишка! Да ведомо ли тебе, что я – Уныние, владычица сего королевства, а в недалёком будущем – всего мира? Мне подчиняются, меня боятся, передо мною трепещут.

– Приветствую владычицу миров, – не удержался Огонёк от издевательского поклона. – Правда, в число ваших подданных входить не собираюсь. Кстати, если ваш титул так высок, почему вы не занимаете полагающиеся вам апартаменты? – и он указал на замок.

Уныние с достоинством выпрямилась.

– Потому что считаю, что настоящая власть не нуждается в игрушках вроде парчи и золота. Если ты имеешь силу и власть над людскими душами, они пойдут в огонь и воду по одному твоему слову. А мне и слов не требуется, – усмехнулась она и повертела в руках дудочку.

– А зачем? – после некоторого молчания спросил Огонёк.

– Что – зачем?

– Ну, власть вот эта...

Уныние что-то недоумевающее возражала, но Огонёк не слушал. Он вспоминал людей, готовых за него не то что в огонь и воду, а и куда похуже... И просить их не надо было даже одним словом.

«Это получается, у меня над ними тоже власть, как Уныние говорит? Вот уж чего меньше всего хотел бы. Или власть разная бывает? Нет, на «добрых» правителей я успел насмотреться... Или это нельзя называть властью – это просто дружба, любовь...» При слове... вернее, при мысли «любовь» всё остальное мигом улетучилось из рыжей головы.

– Слушай, Уныние, – довольно невежливо перебил он, – в этом замке, говорят, принцесса какая-то есть спящая, Любовью зовут... Ты не знаешь, где именно?

Уныние пренебрежительно глянула на Огонька.

– Ты, часом, не будить ли её собрался? Бесполезно. А если и разбудишь – она снова коньки откинёт, не выдержит нашего окружения. Нежненькая девочка слишком...

– Вот погоди, придут сюда Работа с Весельем, ты по-другому запоёшь.

– Что?! – Уныние подскочила как ужаленная. – Эти чёртовы самозванки придут отбирать мою кровно заработанную власть?! Не бывать этому!

– Вряд ли ты её зарабатывала такой уж кровью, – усмехнулся рыжий. – Ладно, я пошёл.

– Эй! – крикнула вдогонку Уныние. – Кто ты есть-то?

Огонёк обернулся и, сложив руки рупором, прокричал, кто он есть такой. Отчего Уныние скривила физиономию как от горькой редьки. Но, поразмыслив, успокоилась:

– Даже если эти стервы сюда заявятся, их никто не признает, все привыкли ко мне. – С этими словами Уныние достала трубку и принялась пускать колечки.

Надо сказать, что встреча Уныния с Огоньком не прошла незамеченной. Проще говоря, на балконе главной башни сидела Мечта и следила за Огоньком, как ребёнок за погремушкой. Она, конечно, ничего не слышала, кроме двух последних реплик, но ей этого было достаточно.

Тяжёлое время наступило для Мечты. Надежда ушла, и жаловаться стало некому. А было на что. Надоела Мечте разгульная жизнь, и Чёрный Омут ей осточертел. А порвать с ним – не может. Силы воли не хватает и страшно: от него я уйду – а с кем буду? Остаться одной Мечта больше всего на свете боялась.

Чёрный откровенно над ней издевался и называл куклой и собачкой. Мечта огрызалась, но вяло. Тем более она видела, что так оно и есть. Но одному так трудно что-то менять! К Романтике Мечта подойти боялась: думала, та с ней и говорить не захочет после той драки. Скептик на неё наводил ужас одним видом. А больше и подойти-то было не к кому...

В таких грустных чувствах сидела Мечта на балконе, и плачевный вид окрестностей добавлял масла в огонь. Но вот она заметила какого-то незнакомого парня, почти ещё мальчика. Он стоял и говорил о чём-то с Унынием, а потом пошёл по направлению к замку. До Мечты долетело: «Негасимый Огонёк!..» Мечта схватилась за перила и хлопала ресницами так, что тушь с них сыпалась.

«Это же то, чего мне так не хватает», – прошептала она.

Мечта уронила голову на руки и заплакала. Но от этих слёз ей стало так светло и хорошо, как не было за всё время, проведённое с Чёрным.

Она встала, пошла смыла всю осточертевшую косметику, скинула шёлковое платье, посрывала золотые украшения. Чёрный глядит на Мечту и спрашивает:

– Ты чего, обкурилась?

– Нет, Чёрный Омут, я не обкурилась, – отвечает Мечта, натягивая ситцевое в цветах платье. – Просто я ухожу отсюда.

– Хвалилась синица море поджечь, – ухмыльнулся Чёрный. – Сама же прибежишь, обратно просишься будешь, в ногах валяться.

– Не буду, – Мечта улыбнулась. Такой улыбки обитатели главной башни ещё не видели и впали в некоторый ступор. А Мечта тем временем преспокойно спускалась по винтовой лестнице. Куда она шла, что собиралась делать и как жить дальше – она не знала. Знала только, что назад она не вернётся и что ей очень хочется увидеть незнакомца с загадочным именем...

Незнакомец между тем стоял во дворе замка и раздумывал: куда бы двинуть? Вдруг дверь самой большой башни отворилась и оттуда вышла миловидная девушка. Вышла и остановилась. Огонёк обрадовался, что можно разъяснить обстановку.

– Кто ты, красавица? – окликнул он Мечту. Та, вспыхнув, ответила:

– Я Мечта. Здравствуй, Негасимый Огонёк.

– Откуда ты меня знаешь? – удивился тот.

– Разведка доложила, – Мечта вдруг лихо подмигнула Огоньку.

– У вас тут и разведка есть?

– У нас тут и Серость есть, и Тоска, тебя здесь только не хватает, – непонятно серьёзно или в шутку сказала Мечта.

Но Огонёк не вслушивался в интонации.

– Серость?! – закричал он, хмурясь. – Не бывать этому! – И побежал вверх по лестнице.

Мечта подняла прутик и стала рисовать сердце.

– Это что, наше королевство? – прозвучало у неё над ухом.

Мечта отпрыгнула. Это Романтика вышла подышать свежим воздухом.

– Это... это... – забормотала Мечта, пытаясь стереть рисунок.

– Нет, зачем ты стираешь? – Романтика мягко взяла Мечту за руку. – Красиво.

– Правда что ли? – прошептала Мечта.

– Правда, – Романтика улыбнулась. – Ты и сама сейчас такая красивая, что не узнать. Хорошо, что ты вышла. А то до тебя не добраться в этой башне.

– А зачем до меня добираться... Ой! – сама себя перебила Мечта. – Ты на меня не сердись?

– За что? – искренне удивилась Романтика.

– Ну... я такая драчунья была...

До Романтики дошло, о чём речь, и она расхохоталась.

– Ты ещё помнишь эту ерунду! – воскликнула она, отсмеявшись. – Неужели ты никому не веришь?

– Я не умею верить... Но я хочу – и боюсь... – Мечта беспомощно глядела на Романтику.

В это время распахнулась дверь, и оттуда вылетела Серость, а за нею и Скука. С безумными глазами, с проклятиями они помчались, не разбирая дороги, подняли пыль столбом и скрылись из глаз. Навсегда.

Мечта и Романтика на пару захлопали ресницами, и тут до них донеслось звонкое: «Ку-ку!»

На полуразрушенной ограде сидела неизвестная девица и ухмылялась. Прокуковав ещё пару раз, она уже по-человечески улыбнулась, затем спрыгнула во двор и подбежала к девушкам.

– Давайте знакомиться, – сказала она, протягивая сразу две руки.
– Я Вера. Вас я знаю: Мечта и Романтика.

Романтика пожала левую, а Мечта – правую руку Веры. От неожиданности они не знали, что сказать.

А Вера продолжала:

– Знаете, сколько бед происходит оттого, что люди не умеют верить и доверять друг другу. И себе, кстати. А почему?! Может мне кто-нибудь объяснить, почему это происходит? – лицо Веры искажилось неподдельной болью.

– Потому что страшно, – раздался дрожащий голос Мечты.

– А что такое страх? – спросила Вера.

– Ну, не знаю... У нас тоже Страх живёт – вон в той башне.

– Слушайте, – загорелись глаза у Веры, – пойдёмте узнаем, кто он такой.

Пошли. Дверь заперта. Стучат. Нет ответа. Опять стучат. Наконец, донеслось: «Кто?»

– Вера.

За дверью послышался вскрик, а затем воцарилось молчание.

– Померли они там, что ли, – проворчала Вера. – Раз так, я сама открою.

Провела рукой по скважине – и дверь, скрипя, отворилась.

Вера зашла внутрь, за ней робко ступили притихшие Романтика с Мечтой. Их взору предстало давно не убираемое помещение. Освещение – чахлая коптилка под потолком. Окна закрашены. А в углу что-то копошилось, но разглядеть не удалось – снова раздался крик, словно с кого-то сдирали кожу. Затем частой дробью посыпались ругательства.

Вера топнула ногой.

– Мне надоело это! Прекрати бузить, выйди и покажись. Дело есть.

– Это Обида-на-Весь-Свет, – тихо сказала Мечта.

– Что? Обида, да ещё на весь свет? Это же смешно! – и запрокинув голову, Вера рассмеялась.

Ругательства прекратились. Не переставая смеяться, Вера бросилась в угол, из которого они прежде доносились. Но перед носом у неё блеснула сталь.

– Стой!! Убью!!

Вера дунула на клинок – и тот осыпался, как цветочная пыльца.

Рукоятка со звоном выпала из рук Обиды.

– Ты... ты пришла убить меня... – задыхаясь, выговорила она. В её глазах уже плясало что-то, несовместимое с разумом.

– Да постой ты, я просто хочу спросить...

– Нет! – дико вскрикнула Обида, оттолкнула Веру и, не глядя, выбежала из дома. Но вот она обо что-то споткнулась, упала лицом вниз и больше не встала. Вера подошла к ней, перевернула – Обида никак не реагировала. Тогда Вера приложила ухо к груди, послушала, а потом сказала:

– Она умерла от разрыва сердца. Я немного врач и могу определить это...

– Да было ли у неё вообще сердце-то? – вырвалось у Романтики.

– Было... Но оно до краев переполнено было злостью, обидой и надменностью. Такие не живут долго. Но неужели в таких сердцах больше ничего нет, совсем ничего? Как так жить? Я не понимаю... – Вера со своим недоумением напоминала ребёнка, впервые столкнувшегося с несовершенством мира. Но тут её окликнули, и несовершенство забылось само собой, пока она здоровалась со своим давним другом – Негасимым Огоньком.

Наконец восторги встречи поутихли, и Огонёк спросил Веру:

– Как тебе здешнее население?

– Да вот... – Вера повернулась в сторону Обиды и замолчала. Труп не было. – Куда же она делась?

– Кто?

– Да Обида-на-Весь-Свет. Она тут, понимаешь, с ножом на меня бросалась, а потом сошла с ума и померла от разрыва сердца. А куда труп делся – не знаю...

– Делась – и чёрт с ней, – сплюнул Огонёк себе под ноги.

– Огонёк! – укоризненно сказала Вера.

– Прошу прощения, совсем забыл, что нахожусь в дамском обществе... А Уныние ты отправила на заслуженный отдых?

– Не удалось, – грустно сказала Вера. – Она только убежала и спряталась. Надо Работу сюда... Давай ты теперь о своих подвигах рассказывай.

– Да какое там... Серость со Скукой драпанули от меня как от огня, – рассмеялся он. И тут же нахмурился. – А больше я ничего не могу сделать, хоть убей! Жирная туша Лени – её и трактором не

сдвинешь. И с Чёрным что делать – ума не приложу. Такое впечатление, что он сильнее нас всех вместе взятых...

– С Чёрным я справлюсь, – раздался тонкий голос.

Все с удивлением обернулись. Это говорила Мечта.

– Ты?! Слабая девушка?! – Огонёк изумленно глядел на неё.

– А Вера не слабая девушка? – с вызовом спросила Мечта, хорошея под этим взглядом. – А я что, из другого теста? Он слишком долго держал меня в подчинении. Я отомщу ему. – С этими словами Мечта шагнула в главную башню.

Чёрный Омут стоял посреди комнаты с отсутствующим видом. Руки в карманах. Все-таки Огонёк здорово его напугал, хотя он и не подал вида. Было в Огоньке что-то незнакомое и непонятное Чёрному Омуту, и это «что-то» терзало и не давало покоя.

Увидев Мечту, он ухмыльнулся, чтоб скрыть тревогу, и дьявольски захохотал:

– Я же говорил – обратно прибежишь!.. Глотнёшь свободы – и подавишься. Свобода, деточка, дерьмо такое, что лучше не пробовать. Так и быть, на сей раз прощаю, я добрый. Ну, иди же ко мне, моя любимая игрушка, – и сам двинулся ей навстречу, не вынимая рук из карманов.

Мечта стояла на пороге, скрестив руки на груди, и холодно и презрительно глядела на него. И под этим взглядом Чёрному Омуту сначала расхотелось смеяться, потом захотелось вынуть руки из карманов, а потом...

– Ты что делаешь, негодная девчонка! Не смотри на меня так, мне плохо от этого взгляда, он мне напоминает этого рыжего гаденыша... Ты же моя тысячу раз, ну кончай это безобразие, давай помиримся, я хороший, ты, бестолковая скотина, – кричал Чёрный, метаясь из угла в угол, натываясь на стены и предметы обстановки. Вот он налетел на окно, оно зазвенело и треснуло. Звон, что ли, подтолкнул Чёрного: с быстротой молнии он открыл раму, вскочил на подоконник и с неразборчивым криком кинулся вниз. И наступила тишина.

Мечта постояла немного, слушая эту тишину, затем удовлетворённо кивнула. И пошла вниз с тем же гордым, можно сказать – царственным видом, не разнимая рук на груди.

Лень, наблюдавшая за происходящим, была ошарашена. Она по-прежнему лежала на кровати в своём цветастом платье, которое ей, между прочим, очень шло. Да и вообще Лень красива: женщина в теле, в самом расцвете лет и всего прочего...

Лень знала, что она привлекательна, знала, что она сильнее всех в этом королевстве, и поэтому её не тревожил приход Огонька, как Чёрного. Она поязвила в адрес обоих и спокойно перекатилась на

левый бок, чтобы дальше заниматься любимым делом: блаженным ничегонеделанием.

Правда, молчаливая Мечта с ледяным взглядом удивила Леню. Глядя, как Чёрный сходит с ума, она даже привстала, что бывало весьма редко. Выгнав Чёрного, Мечта удалилась, и Лени стало не по себе. Но она знала, она была уверена, что её, Леню, никто не в силах побороть, никакая Мечта, никакие негасимые огоньки.

Леня достала из-под подушки зеркало и залюбовалась собой.

– Что, – подмигнула она самой себе, – заключали тут союз четырёх, и все поразбежались, как зайцы, одна я осталась. Что ж, я не против и совсем одной остаться хоть в Сердце, хоть на всём белом свете.

Леня засунула зеркало обратно, натянула одеяло на голову и заснула богатырским сном. Аж потолок задрожал от храпа.

Скептик шёл и ворчал:

– Поди туда – не знаю куда, приведи того – не знаю кого... Взбрело этому Огоньку в голову: давайте позовём Юмора и Почемучку! Ну и звал бы сам, а то за него кто-то отдуваться должен, а у него, видите ли, дела... Он, значит, с Любовью прохлаждаться будет и драться со всякими гадами, а я тут должен тащиться к чёрту на кулички, неизвестно, где их искать... Сердце-то большое... И наряд мой не нравится ему, и оружия, мол, слишком много. Да какое твоё цыплячье дело!.. Пришёл с ветру и свои порядки устанавливает...

На самом деле Скептик хорошо относился к Огоньку. Он просто немного завидовал этому «цыплёнку» и не отказался бы и сам подраться с гадами, и попрохлаждаться... ну, не с Любовью, а кое с кем другим... но неважно. Только всё оружие у него было никудышное, неладное для боя. И ещё Скептик довольно скептически относился к себе и побаивался, как бы Огонёк кое-кому не вскружил голову. Но он ни за что не признавался в этом самому себе (как же! такой солидный, такой умудрённый жизненным опытом – и вдруг ребячество какое-то...), а потому шёл и ворчал – на Огонька, на Любовь и Романтику, а заодно и на всё на свете. Так продолжалось до тех пор, пока Скептик не устал и не свернул к какому-то ручейку. Наклонился и стал пить. И тут его что-то пребольно щёлкнуло в лоб.

Скептик поднял голову, думая, что с дерева что-то упало. Но вокруг стояли берёзы, на которых, как известно, плодов нет и шишек тоже. Скептик непонимающе оглянулся, и тут его вдарило по виску, да так, что в глазах потемнело. А по воде запрыгал, как мячик, лесной орех с кулак размером. И послышался смех.

– Что за хулиганские выходки! – заорал Скептик, прижимая ладонь к ноющему виску. – Вот я щас залезу на дерево и оборву тебе уши!

В ответ смех перешёл в ржач, и из листьев высунулась чья-то башка. Скептик моментально нагнулся, схватил подвернувшийся камушек и швырнул во вредную рожу. Рожа попыталась скрыться, но слишком поздно.

С дерева спрыгнул кто-то в чёрном и, потирая здоровенный фингал, направился к Скептику.

– Ну, ты, дядя, даёшь, пошутить нельзя, – дружелюбно сказал этот кто-то. На нём зачем-то были чёрные очки.

– За подобные шутки можно без головы остаться, – сердито сказал Скептик. Впрочем, зрелище фингала быстро вернуло ему хорошее настроение.

– Где-то я тебя уже видел, – протянул Скептик, вглядываясь в физиономию чёрноочкарика.

– Видел, – фыркнул тот. – Конечно, видел, соседями были.

– Ты Юмор, что ли? – ошалел собеседник. – А чего в чёрное вырядился? Ты же у нас всю жизнь зелёный был. И очки – вроде солнце в облаках...

– А то, что я теперь *Чёрный Юмор!* – и лицо мальчишки перерезала такая усмешка, что Скептик отшатнулся. – Надоело! Зелёный Юмор! Юмор в коротких штанишках! Привыкли, что я – мелочь, к которой необязательно серьёзно относиться. Я хоть и Юмор, а и Юмору не нравится, когда его в расчёт не берут и знай потешаются...

– Да кто над тобой потешается... – изумлённо начал Скептик, но его перебили:

– Заткнись, телега намазаная! Не ты ли вечно скрипел над «молодо-зелено». А теперь у меня штаны длинные, а не короткие, и ни одна зараза надо мной смеяться не будет. А плакать по мне некому...

– Юмор в длинных штанах, – констатировал Скептик.

– А не пошёл бы ты...

Выругавшись, Юмор как-то обмяк, весь его запал улетучился.

– Только странная штука, – вздохнул он, – с тех пор, как я стал Чёрным, мне никакие шутки не удаются.

– Слушай, – вздохнул и Скептик, – мало нам Чёрного Омута, будет ещё и Чёрный Юмор? А Огонёк ещё на тебя рассчитывал...

И Скептик рассказал, что произошло в замке за время отсутствия Юмора.

Юмор обрадовался, что Обиды уже нет, но, когда Скептик предложил идти в замок, поправил очки и ответил голосом потерпевшего кораблекрушение:

– А что я забыл в замке? Там теперь народу хватает, без меня обойдутся... Да и Огонёк этот меня зовёт, наверное, чтоб

покуражиться, похвастать, что он сумел, а я собаку съел... А я уже сказал – мне это надоело.

– Да ты не Чёрный Юмор, а просто ходячий комплекс неполноценности! – не выдержал Скептик.

– Ладно, ты у нас самый умный всегда был... Ходячая пыльная мудрость...

Перепалка грозила затянуться надолго, но тут окрестности огласило звонкое «кукареку-у-у!..» – и из соседних кустов вылез какой-то мальчуган, до невозможности лохматый.

– Здравсте, – кивнул он Скептику. – Меня Почемучкой звать. Я тут нечаянно подслушал ваш разговор, а потом вы зачем-то начали ругаться, ну я и думаю: пора вылезать...

– Нет, я понимаю, что честности, в общем-то, в жизни нет, – сердито сказал Скептик, – но подслушивать чужие разговоры...

– Это когда о личном говорят – нехорошо. А когда что-нибудь рассказывают – можно.

– А что ж ты тогда говоришь: нечаянно? Что-то мешает сказать: подслушивал нарочно? – испытующе глянул Скептик на Почемучку. И, глянув, рассмеялся. – Да ты чего такой лохматый-то?

Почемучка смутился, непонятно – от «нечаянно» или от лохматости. Выволоч из заднего кармана брюк обломанную расческу и начал смешно и неловко причесываться. Результат был неважный, похоже, он и сам знал об этом, потому что виновато улыбнулся.

– Это моё обычное состояние – лохматым быть. Хоть волосами, хоть душой... Ну никак не укладывается ровно ни то, ни другое.

– А чего это ты петухом кричал? Не мог под лесную птицу подделаться?

– А это мы специально, чтоб отличать, – встрял Юмор. Надоело ему, что разговор мимо него катится. – Мы уже всех пичужек в округе распугали, половину перебили.

– Герои...

– Может, мы по дороге поговорим, а? И так уже столько времени потеряно? – спросил Почемучка.

Юмор захохотал:

– Да ты всю жизнь тут ошивался, в замок ни ногой, а сейчас загорелось? Огонёк тебя на расстоянии поджжёт, что ли?

– Может, и поджжёт, – спокойно согласился Почемучка. – Мне кажется, я с ним подружусь.

Юмор только плюнул: «Тьфу ты!», – но поплёлся вместе со всеми, то и дело поправляя очки. Из-за этих очков он частенько спотыкался, потому что видимость в них была препаршивая. Но снимать не желал ни в какую.

Скептик же успел оценить слова Почемучки «поговорим по дороге». Тот постоянно умудряется в обычных, ему понятных вещах находить что-то непонятное, с виноватой улыбкой говоря: я же не ёж... И всегда, стервец, ставит вопрос ребром – не отвертись. И Скептику пришлось вертеться, как угрю на сковородке, вспоминать свой мнимый и настоящий опыт и с удивлением думать, что вот это ему бы и в голову не пришло, а вот то приходило, да он отмахнулся: а, неважно, потом... А оказалось, что важно и что никакого «потом» нет, есть только «сейчас»... И ещё он понял, что не может ответить этому «сейчас» в своей любимой скептической манере. Чего-то не хватало.

Подобные вещи изматывают, и Скептик вздохнул с облегчением, когда, наконец, замаячили остатки прежней замковой роскоши.

– Идут! – завопила Вера (она опять сидела на обвалившейся ограде, теперь уже в дозоре), спрыгнула, побежала навстречу и давай обнимать всех по очереди.

Огонёк тоже перемахнул через ограду, здоровается с новоприбывшими. Говорит этак весело:

– Вовремя вы пришли: к нам тут скоро Работа с Весельем должны притопать. Если по дороге нигде не задержатся.

– Ага, – вклинилась Вера, – а от меня Страх убежал. Превратился в мышку серую и юркнул в подвал. Уж я звала-звала – не выходит ни в какую...

– Придут сестрёнки, устроим исторический поединок, – снова заговорил Огонёк, и глаза у него засверкали. – Работа с Ленинью состязаться будут! Ну, Работа у нас огонь-девка, думаю...

– Погоди-ка, балагур, – перебил вдруг Юмор. – Ты Любовь разбудил уже?

– Нет ещё, – растерянно проговорил Огонёк.

– А чего ждёшь? А ну живо иди, буди её! Думаешь, приятно человеку столько спать и не знать, что на свете делается? Будь я на твоём месте... – Юмор не договорил, но Огонёк и не подумал возражать. Развернулся и пошёл в башню, где спала Любовь.

В башне царил полумрак. Романтика отделала её по своему романтическому вкусу, и от убранства веяло чем-то полузабытым, но манящим. Надо отдать должное хозяйке: выглядело это завораживающе.

Огонёк стоял, оперевшись на спинку кровати, и глядел на Любовь. Она ужасно маленькая, в оборванном и грязном платье, волосы, тоже давно немые, раскиданы по подушке, а лицо какое-то непонятное: на нём и грусть, и то безразличное выражение, которым её наделила Скука. И вообще, она как будто не вписывается в шикарную обстановку башни.

Огоньку-то наплевать – какая обстановка. Глядит на эту оборванку и глаз оторвать не может. А уж что у него в голове в это время делалось – лучше не спрашивать...

Но так стоять можно до ночи. Будить надо! «А как?» – сам себя спросил Огонёк. И сам же себя дураком обозвал. Уж историй-то про спящих красавиц довелось послушаться. А вот действующим лицом быть ещё не приходилось.

Подошел Огонёк поближе, присел на кровать. А сердце стучит, как, скажи, стая волков по пятам гонится. Тут Любовь вздохнула во сне, да так протяжно... Огонёк тряхнул головой, отгоняя наваждение, нагнулся и поцеловал девчонку. И гадаёт: проснётся – не проснётся?..

Веки у Любви задрожали, и, не открывая глаз, она зевнула во всю глотку. Вроде это противно, а Огоньку хоть бы хны. Влюбленные, они все такие – чокнутые малость...

Любовь глаза открыла, кулачками протерла, ну и увидела над собой какого-то рыжего. Незнакомого.

– Это Скука в тебя превратилась, да? – спросила она, садясь на постели.

Огонёк рассмеялся, и всю его нерешительность как ветром сдуло.

– Нет, – говорит, – Скука от меня быстрее, чем вошь, убежала. А я Негасимый Огонёк, и со мной не будешь ты знать ни скуки, ни серости. Ни покоя, – добавил он чуть слышно.

Любовь хитро прищурилась.

– А я тебя зна-аю, – протянула она. И волосы у неё стали рыжие-рыжие. Ведьма, да и только. Ведьмочка.

– Откуда?

– А вот не скажу, а вот не скажу! – Любовь спрыгнула с кровати, показала Огоньку нос и заприплясывала на одной ножке куда-то в угол. Не переставая напевать: «а вот не скажу, не скажу-у...»

– Да стой ты, чего ты не скажешь? Да не мельтеши!.. И почему ты рыжая стала? И... Ну не морочь мне голову! – Огонёк растерянно стоял посреди комнаты.

Любовь в ответ засмеялась, продолжая кружиться. Но вдруг оборвала смех:

– Ты сказал – рыжая? Я тебе рыжая не нравлюсь?

Голос почти прогремел. Она стала фертом, глаза засверкали зелёным недобрым огнем... «Вот это я влип», – мелькнуло у Огонька, но он сказал:

– Нет, нравишься. А что рыжая – я и сам рыжий. Просто так сразу... непривычно.

Любовь секунду ещё глядела на него в упор, затем взмахнула руками и, смеясь, побежала к выходу.

– Пошли скорей! – прокричала она, обернувшись.

Выбежав из башни, Огонёк остановился и в изумлении протёр глаза:

– Это пока я тебя будил, уже ночь наступила? – Но тут же понял, что ночь ни при чём.

Небо заволокла сплошная чёрная туча. Она висит низко-низко – шпили башен теряются в ней, мягкой лапой туча касается крыш. Кажется, она охватила кольцом замок: за оградой ничего не видно, всё скрыла чернота. И так неуютно под этой тучей, словно положили тебя под гнёт, как цыпленка табака, да ещё с боков кирпичами поддёрли.

– Что это такое? – с любопытством спросила Любовь, глядя на тучу.

Огонёк пожал плечами. Он бы и сам был не прочь это узнать.

– Это Страх, – донёсся хриплый срывающийся голос. Никто бы не догадался, что он принадлежит Мечте. Она стояла, опираясь на стенку, то и дело съезжая по ней. Лицо страшно бледное, а глаза... Огонёк отшатнулся, столкнувшись с ней взглядом.

– Ну вот что ты будешь с ним делать, – проговорила Вера, быстрым шагом подходя к Огоньку. – Вылез из подвала, раздулся до размеров бегемота и – нате вам пожалуйста – пугало огородное. Я с ним пыталась говорить – бесполезно. Что ж, если не хочет по хорошему...

Вера немного отошла от зданий и подняла руки. По ладоням пробежали вспыхнувшие искорки, а затем с рук сорвались и ушли в небо, вернее, в тучу, два луча. На миг полыхнул ослепительный свет... и тут лучи отрикошетили вниз, на обитателей и гостей замка.

Больше всех почему-то досталось Мечте и Любви. Да и остальные выглядели неважно: у кого рука обожжена, кому нос подпалило...

– Ничего не понимаю, – растерянно прошептала Вера. Затем схватила походную сумку, в которой ко всему прочему носила ещё и врачебные снадобья, и пошла залечивать ожоги.

...Когда в Любовь ударили отлетевшие лучи, она заревела в голос. Огоньку, ясное дело, эти слёзы – что нож вострый, он и ожога-то на себе не почувствовал. Разозлился ужасно.

– Ах так! Я, – говорит, – я тогда... А вот я залезу сейчас на крышу и спихну ваш чёртов Страх голыми руками!

Никто и слова сказать не успел, как он скрылся в башне Романтики. И вот он уже вылез из слухового оконца и взгромоздился на крышу. Крыша-то как купол, держаться не на чем и не за что. Ну, каким-то образом Огонёк там угнезвился, обругал Страх по-чёрному, упёрся в него руками и давай толкать! А Страх неожиданно твёрдый, хоть и тучей прикинулся.

С земли кричат: «Слазь! Убьёшься!..»

Огонёк не отвечает, не до того ему. А тут крики сами прекратились: Страх неожиданно пополз вверх. Вот уже видны шпили башен, вот показались обвисшие флаги... Внизу опять заголосили, только теперь преобладали вариации слова «Давай!». И вдруг... стоп. Ни с места. Страх тормознул так резко, что Огонёк полетел с крыши вверх тормашками. Правда, умудрился зацепиться за карниз и благополучно спрыгнуть.

Стоит и пот со лба утирает

– Я, – говорит, – такой бузы за всю жизнь не видел.

– А у тебя такая длинная жизнь? – проворчал Скептик, оказавшийся тут как тут.

– Я жизнь меряю не по количеству, а по качеству, – ответили ему.
– Лучше скажите кто-нибудь, чего теперь делать?

– А может, ничего не надо делать, а? – раздался чуть насмешливый голос. Его обладательница резко выделялась среди местных: смуглая, с черными кольцами волос, с полными блеска черными глазами, в синей заляпанной спецовке и в ослепительно белом переднике.

– Работа! Ну, наконец-то! – закричал Огонёк и кинулся обниматься.

– Полегче, полегче, – ворчливо сказала Работа. Впрочем, в глазах у неё прыгали веселые чёртики.

– А меня, Огонёк? – завопила светловолосая девушка в платье, сшитом из разноцветных лоскутков. – А то я обижусь!..

– Ну куда же я без тебя, Веселье! – мальчуган и её сгрёб в охапку.

Мечта наклонилась к стоявшей в сторонке Любви и прошептала:

– Ты не ревнуешь?

– А что это значит? – спросила Любовь, хлопая глазами.

– Как странно, – протянула Мечта, не отвечая на вопрос. – Я тоже...

– ...А я говорю – да не надо с ним ничего делать, пусть висит, как сосиска на ниточке, коли ему любо. А вы своими делами занимайтесь и не обращайтесь внимания. Глядишь, сам слезет, надоест. – Это высказалась Работа, когда опять разгорелись страсти по поводу Страх.

– Как это я могу заниматься своими делами, когда надо мной такие страсти-мордасти! – возразила Романтика и даже поёжилась, глядя на Страх.

Работа фыркнула.

– Разве это не романтично: горстка людей в окружении не сдаётся, а продолжает обычную жизнь? Или вся твоя романтика – только на словах?

– Ну знаешь... – Романтика хотела уже не на шутку обидеться, но не успела: из-за ограды, из непроглядной черноты донёсся стук, треск, конское ржание и проклятия. Все как по команде повернули головы, но разглядеть ничего не удалось. А ржание повторилось, но теперь оно звучало жалобно, почти по-человечески.

Секунд через пять распахнулись ворота, на пороге выросла Упрямество и тут же заслонила левой рукой глаза. Во дворе замка было куда светлее, чем за его пределами. Правой рукой она обнимала за шею коня; тот упирался, прижимал уши и жалобно всхрапывал, но шёл за хозяйкой.

– Может мне кто-нибудь объяснить, что здесь происходит? – воскликнула она, опустив, наконец, руку.

– Не узнаёшь старого знакомого? – хмыкнул Скептик. – Это Страх решил пошутить.

– Вешать надо за такие шутки! – возмутилась Упрямество. – Я, значит, еду, никому не мешаю, вдруг наваливается тьма – пятерни своей не увидишь! Конь ошалел, понёс; тут эта чёртова ограда – я и полетела из седла через голову! И поводья порвались, такие хорошие поводья... – Упрямество замолчала и с подозрением начала всех оглядывать. – А чего это вы в пластырях да бинтах? Какое такое великое сражение было?

Когда ей рассказали, в чём дело, она пришла в бешенство.

– Ну, погоди! – заорала она, хлопая себя по карману. Но содержимого на месте не оказалось, наверное, вывалился у забора. Упрямество ругнулась и, оттолкнув коня так, что тот заржал, бросилась в свою башню.

Не успел никто глазом моргнуть и дух перевести, как она уже выбежала с хлопушечным ружьём в руках, которым стреляли под Новый год. На ходу зарядила, остановилась и давай палить! Вспышки, вспышки, хлопушечный мусор... А толку что-то нет...

– Да прекрати ты, – не выдержал Огонёк. – Его, видно, по-другому брать надо...

– Заглохни, – отрывисто и резко сказала Упрямество, не отрываясь от своего занятия. Некоторое время все молчали, лишь слышны были хлопки выстрелов.

– Господа, товарищи или как вас тут называть! – первой потеряла интерес к пальбе Работа.

– Мы – свободные граждане, – поправила Романтика.

– Да уж, свободные, – усмехнулся Скептик. – Штаны полны этой свободой, того гляди – вывалится...

– Да что от тебя слышны одни только гадости! – закричала Романтика. – Надоел уже, сил нет!

– А ты мне дай жизнь без гадостей, – снова усмехнулся Скептик, – я не буду их поминать.

– Да ты... да... – Романтика нервно заоглядывалась, не иначе в поисках подходящего снаряда. Не найдя такового, она просто крикнула так, что даже у Страху уши заложило:

– Как же я тебя ненавижу, козёл!!!

– Милые бранятся – тешатся, – пробормотал под нос Юмор, отнимая руки от ушей, – а окружающие страдать должны...

– Всё сказали, что хотели? – спросила Работа, скрестив руки на груди. – Или ещё в запасе осталось? Так говорите, не стесняйтесь...

Романтика и Скептик молчали, не глядя друг на друга.

– Значит, можно начинать... Да прекратишь ты воздух сотрясать или нет!.. – обернувшись, с раздражением крикнула она Упрямству. – Уши уже болят от шумовых эффектов!

Упрямство, ничего не ответив, включила глушитель.

– Ну вот, – удовлетворенно вздохнула Работа, – теперь нормально... Знаете, свободные граждане, я много где была, но такого, как у вас, ещё не видела...

– Слыхали мы уже это, – хмыкнул Юмор и засунул руки поглубже в карманы. – А я скажу: ещё и не то увидишь...

– Это понимать как мрачное пророчество? – поинтересовалась Работа, глядя на чёрное одеяние Юмора. – Но... Граждане, я не обучена болтать по-пустому! Надежда мне сказала, что вы живёте под гнётом Уныния и Лени. Уныние уже собрала вещички и сбежала, она так смешно кричала что-то про власть... даже дудку свою на бегу обронила. Осталась только Лень, но это ещё хуже... В общем, где она у вас прячется?

– Я бы сказал, где она прячется, – проворчал Огонёк, – да вот...

– Ну и где?

– Да в них же самих! Ты полюбуйся только: пальцем о палец не ударят, чтоб себе же хорошо сделать! Сидят, ждут манны небесной и ещё недовольны. А, ненавижу я такое...

– Ну, знаешь... – на Огонька со всех сторон полетели реплики, причем самая приличная звучала примерно так:

– Если ты, козёл, такой умный, то иди и вытури Лень в одиночку!

– Сдаюсь! – завопил Огонек, поняв, что его сейчас будут бить. Даже руки поднял. – Сдаюсь, но остаюсь при своём мнении, – добавил он нормальным голосом.

– Я бы тебе голову оторвал за твоё мнение, – задумчиво сказал Скептик, – если бы здесь не было доли правды...

«Госпожа Лень! Как Вам известно, королевство Сердце издревле строилось на принципах свободы: каждый может делать всё, что

заблагорассудится, но не мешая остальным. За соблюдением этого принципа следила Совесть. Вы и сами его придерживались, и к Вам относились доброжелательно. Но с Вами произошло что-то, непонятное Сердцу. Обманным путём устранив стражника, Вы стали тираном. Это явление было абсолютно неизвестно в королевстве, почему Вы и не встретили сопротивления.

Прознав о лёгкой Вашей удаче, сюда стали стекаться разные вредительские личности, вроде Серости, Обиды и пр. Под Вашим предводительством они довели королевство до грани развала. Однако, если Вы не знаете, – народ терпит долго, но бьёт больно. Вражеский стан разбит, правда, ещё упрямится Страх, но разберёмся и с ним. Вам же мы предлагаем одно из двух: либо Вы по доброй воле прекращаете своё влияние и нам не мешаете, либо Вас вызывают на поединок. Состязаться с Вами будет Работа. Выходите, как только прочитаете это послание.

Негасимый Огонёк, Работа, Мечта, Юмор, Скептик,
Любовь, Романтика, Вера, Веселье, Почемучка»

Прочитав, Лень швырнула бумагу в угол.

– Какой только им свободы ещё надо? – недоумённо пожалала она плечами. – Меня им мало, что ли?

Лень встала и заходила по комнате.

– Нет, ну подобралась компания, – бормотала она себе под нос. – Принёс же чёрт Работу! Как без неё хорошо было! И Почемучка притащился. Откуда они только его выудили? Да ещё парламентом отправили. Видеть его рожу не могу...

– А всё этот Негасимый Огонёк! – Лень остановилась и злобно уставилась на шкаф, как будто там и сидел Огонёк. – И чего только он у нас в Сердце забыл?

Лень подошла к окошку.

– Пируют, гады... М-м-м, как я хочу жрать...

А внизу, и правда, шёл пир горой. После долгих препирательств составив, наконец, ультиматум Лени, все вдруг почувствовали себя зверски голодными и усталыми. Усталость – полбеды, а вот голод... И как назло – есть совершенно нечего, хоть шаром кати.

Но Веселье крикнула: «Это моё!» – и пошла по двору, переворачивая каждый камушек, разглядывая каждую былинку. На неё непонимающе заглядывались, но Работа пояснила, завалившись прямо на траву:

– Это действительно её дело. Она кашу не то что из топора – из зубочистки сварит!

И тогда остальные поплюхались на землю – кто куда. Кто-то тут же захрапел, кто-то повёл неторопливый разговор... Веселье тем временем разожгла костер, приволокла из чьей-то башни котёл (откуда только чутьё взялось!) и колдовала над варевом, напевая песенку и пританцовывая на левой ноге. Складывалось впечатление, что эта девчонка совершенно не умеет молчать и спокойно сидеть на одном месте.

Вскоре по двору поплыл вкусный-вкусный запах. Но странно: он не дразнил, не возбуждал аппетит, а обволакивал мягкой лапой. Навевал дремоту и что-то ещё, приятное такое... И незаметно вытягивал усталость.

– Идите есть! – наконец крикнула Веселье.

Надо сказать, дважды звать никого не пришлось, спящих живо растолкали соседи. И всё-таки у костра собрались не все...

– Упрямство! – позвала Веселье, наливая очередную чашку. – Бросай свою хлопушку, иди поешь!

– Не хочу, – долетело в ответ.

– Да что это, в самом деле! – Веселье даже поварёшку бросила. – Ультиматум ты подписывать не хочешь со всеми, есть не желаешь... Тронулась ты, что ли, на этом Страхе?

– Отстань! – огрызнулась Упрямство. Чтоб добавить какое-нибудь ругательство, ей уже не хватило сил. Она и стреляла-то уже стоя на одном колене. Но – стреляла...

– ...Сидят, ложками стучат, как чертенята на завалинке, – прошептала Лень, прислонившись к стеклу. – Попросить, что ли, чтоб и меня накормили?..

Лень вздохнула: вспомнилось золотое времечко, когда она была ещё совсем юной и не ворочала государственными делами... Весело тогда жилось... Может...

– Ничего не может! – Лень отпрянула от окна, словно кипятком ошпаренная. – Чтобы у меня было что-то общее с этим сбродом, с чернавкой Работой! Да легче сдохнуть!

Лень схватила завалившуюся корку хлеба и стала нервно грызть, сдирая эмаль с зубов. Немного успокоившись, она принялась шарить по всем углам в поисках расчёски.

– Вот же, ничего найти невозможно, – ворчала она, роясь в кучах неопознанного хлама. – При Чёрном так легко было! Тот пальцами щёлкнет – и готово дело. А тут... О, вот она!

Лень выволокла гребёнку без трёх зубов и принялась расчёсывать волосы. От лежачего образа жизни они ужасно сваялись.

– Я же так стану лысой! – воскликнула она, бросая на пол очередной клочок золотистых волос.

– Ну вот, кажется, всё, – Лень глянула в зеркало, затем швырнула его вместе с гребёнкой на кровать, развернулась и пошла. И пока она спускалась по лестнице, она всё мрачнела и мрачнела и, наконец, сделалась мрачнее тучи.

– Кажется, здесь кто-то осмелился бросить мне вызов? – громом прогремело над беззаботными едоками.

– Да, кажется, – насмешливо сказала Работа, продолжая орудовать ложкой. – Кажется, осмелился, – повторила она и, прищурившись, уставилась на Лень.

Больше половины ложек моментально перестали стучать. На Лень устремились взгляды, но не насмешливо, как у Работы, а с привычной покорностью. Поистине, Лень была сильнее даже Страха.

Работа между тем доела похлёбку и отшвырнула чашку.

– Ну что, – сказала она, поднявшись и одёргивая передник, – я хоть сейчас готова.

– А вот сейчас и начнём, – процедила Лень, пожирая Работу взглядом. – На каких условиях драться будем?

– На дипломатических, – встрял Негасимый Огонёк и потянулся за добавкой к Веселью. – Всякие там холодные, огнестрельные и прочие ядерные погремушки так несовременны...

– Чего? – недоумевающе спросила Лень.

– Расписывать будете свои достоинства, – пояснил Огонек. – Да и недостатки уж заодно. А мы, – он обвёл широким жестом сидящих, – вас послушаем и решим, кто нам больше подходит.

– А кто не подойдёт, – добавила Работа, – тот выметается из Сердца.

– Со своими сторонниками, – уточнила Лень, окидывая взглядом окружающих.

– Да с удовольствием, – фыркнула Вера. – Только их ещё найти надо...

Лень подбоченилась и захохотала:

– Это мне-то искать сторонников! Да всю жизнь Сердце было под моим началом и радовалось этому! Неужели вы думаете, что какая-то швивая Работка сможет меня переплюнуть!..

– Ну давай, давай, – негромко подбодрила Работа. Она стояла, прислонившись к стене, и даже не глядела на Лень.

– Нет, вы только подумайте, что значит работать! Это же добровольно взвалить на себя громадную и нудную тяжесть. Это же значит продаться в рабство! А вы ещё о свободе говорили... Настоящую свободу могу дать только я! Я – Лень, я – свобода ничего не делать!

Лень все больше воодушевлялась. Она действительно верила в то, что говорила.

– Можно вопрос? – влез Почемучка. – А чего мы жрать будем, не работая?

– Ну какой же ты дурак! – воскликнула Лень. – Мы будем наслаждаться чудесными кушаньями и винами. Ведь всегда есть личности, которые либо будут на тебя работать, либо умеют всё добывать без работы. Надо просто найти кого-нибудь из них. Вот как я Чёрного Омута, пока вы, гады, его не прогнали...

– То есть надо стать паразитом и сволочью? – Огонёк вскочил, будто его подбросило. – Да ты, скотина, за кого нас принимаешь?

– Попрошу не обзывать, – с достоинством ответила Лень. – А то я так отвечу, что тебя пополам согнёт и наизнанку вывернет. А впрочем, – совершенно нелогично продолжила она, – ты правильно сказал. Паразиты и сволочи. Ну, сволочь – сильно сказано. А паразиты точно все. В душе точно все паразиты! – возвысила голос Лень, увидев, что ей хотят возразить. – Потому что каждому, слышите – каждому, хочется чего полегче, хочется, чтоб кто-нибудь ему помог, часть на себя взял, а то и целиком... Кто скажет, что ему этого не хочется, – врёт как сивый мерин. И потом – к чему направлены усилия любой работы? Что получается в итоге? Ну, отвечайте, я вас спрашиваю!

– Наверное, работают, чтобы получить удовольствие, – неуверенно сказала Романтика. – Чтоб обеспечить себя...

– Вот! Вы слышали? – Лень подняла палец. – Работают, чтоб получать удовольствия разной масти. Цель – у-до-воль-стви-я! Работа – лишь средство. И вы после этого обижаетесь на слово «паразит»?

– Ну, нельзя же так всех на один аршин мерить! – воскликнула Вера. – А если кому-то сам процесс работы – это удовольствие?

– Так ведь главное-то ему – что удовольствие получает! Что от работы, а не от чего другого – так это просто мозги набекрень... Ну, у кого ещё есть сомнения, что от Работы никакого толку нет?

– А как же, – раздался тоненький голос Мечты, – а как же тогда... ну, как это называется, что с каждым годом, с каждой эпохой что-то новое берётся, придумывается?

– Прогресс, ты хочешь сказать, – уточнила Романтика.

– Да, точно, прогресс. Откуда бы он взялся, если б никто не работал?

– Милая ты моя, – медленно развернулась Лень всем корпусом, – и вы тоже, милые, хорошие! Да зачем он вам нужен, этот прогресс? Не всё ли вам равно – будет ли у вас туалет под названием унитаз или просто дырка в деревяшке? Приспичит – так под любым кустом штаны снимешь!

Юмор вдруг выбрался вперед, снял очки и начал разглядывать Лень самым беспардонным образом.

– Что это ты на меня уставилась? – недовольно спросила та.

– Да я вот думаю, сколько синяков бы ты имела, если б лежала в первобытной пещере, а не на изобретении прогресса – мягкой перине...

Секунду-другую все переваривали сказанное, а потом захохотали. Да так, что наверху затряся Страх и стены замка грозились обвалиться.

– Я думаю, штук двадцать пять, не меньше, – заявил Огонёк.

– Почему? – заинтересовалась Вера.

– Ну как... Женщина с объёмами, мечта поэта...

– Огонёк, ну что за дурацкие шутки! Гляди, какая настоящая мечта! – Вера схватила за руку Мечту и поволокла к Огоньку. А та краснела, отбивалась, вырывалась, а потом остановилась и уставилась ему прямо в глаза.

– ...Нет, тогда же были мамонты! И тигры саблезубые, а у них знаешь какие шкуры. Если убить штук сто тигров и мамонтов десяток-другой, Лени хватит, – вклинился Почемучка.

– Фу, Почемучка, ты что такой изверг! – воскликнула Романтика. – Зачем убивать бедных животных! Я бы подошла к ним, погладила, за ухом почесала...

– Саблезубого тигра ты бы за ухом почесала? – спросил Скептик. – Ну-ну.

– Кстати, – повернулась к нему Романтика, – если человек действительно добрый, звери его не тронут. И если он их любит и не боится. Я бы и к тигру подошла, он не страшный...

– Я бы тебе подошёл, – успокоил её Скептик и похлопал по ружью.

– Да ты кто такой, чтоб мне указывать? – вспылила Романтика. – Возьму и пойду, и ничего ты своей берданкой не сделаешь! В меня тогда стреляй!

– Значит, я тебя просто не пущу, – Скептик схватил её за руку.

– Отпусти, – Романтика дёрнулась, но вдруг поняла, что совершенно этого не хочет...

Лень глядит на всё это безобразие и ничего не понимает. «Как, – думает она, – они могут спокойно смеяться, разговаривать друг с другом, когда я предложила им такие перспективы! Неужели за такой короткий срок Огонёк со своей компанией сумел их покорить! Ой... Но что же делать *мне?*»

– Ну, вы, хватит ржать! – злобно заорала она, хотя уже никто не смеялся. – Слушайте сюда. Согласны вы меня и дальше признавать правительницей Сердца?

– Так ведь править – тоже работа! – крикнул кто-то сзади.

– Не нужны нам такие правители!.. Люди с голоду подымают!.. Терпели долго! Надоело! – зашумели со всех сторон.

– На фонарь таких правителей! – гаркнул кто-то шибко радикальный. Толпа зашумела ещё больше, явно поддерживая. И неизвестно, чем бы всё кончилось для Лени, если бы Юмор не крикнул:

– Верёвка не выдержит!

Тогда перестали обвинять Лень и засмеялись. Не над её весом, конечно, а над её больными взглядами. Да и... над олухами, которые столько времени подчинялись этой болезни.

Юмор тем временем вынул из кармана чёрные очки, бросил их на землю и – хрясь! хрясь! – наступил ботинком. А потом стал разглядывать мелкие чёрные стёклышки...

– Пойдите, господа, – оживился вдруг Огонёк, – у нас же поединок не кончен. Мы выслушали только одну сторону.

– Да, Работа! Давайте сюда Работу! Авось она лучше скажет!

Работа между тем отделилась от стены, которую всё время подпирала, и вышла на середину.

– Господа... или граждане, не помню, как вас тут. Из меня плохой оратор, и я предлагаю состязаться несколько иначе. Жизнь не сахар, все знают, да? И она непредсказуема. Вот взяли вы и оказались на новом месте – без денег, без документов, без... э-э-э... личностей, которые бы желали вас обслуживать. Значит... – Работа откашлялась. – Короче, я предлагаю: выделить нам с Ленью по квадратному метру, а вы смотрите, кто из нас быстрее обустроится. Ну и... где понравится больше.

– Отличное решение! – захлопала в ладоши Романтика.

Огонёк схватил палку (благо их валялось, как и прочего сору, на каждом шагу) и принялся отчерчивать квадраты, вымеряя шагами.

– Кстати, – сказала Работа, обращаясь к своей сопернице, – у тебя будет ещё один шанс, и ты сможешь его выиграть.

– Да иди ты!.. – огрызнулась Лень.

– Готово, – сказал Огонёк. – Значит, ваша задача – обустроиться с максимальным удобством за минимальный отрезок времени...

Работа остановилась у своего квадрата и принялась тереть левую бровь: это у неё было признаком думанья. Затем внезапно сорвалась с места и исчезла за оградой.

– Ой! Куда она! Там же Страх... – испугалось женское население.

– Да, кстати, чего это так темно? – осведомилась Лень.

– Да это же Страх, – ответила Романтика. – Упрямяство вон в него палит, одолеть думает...

– А-а-а... А я всё думала – чего это она как автомат, только патроны закладывает. В белый свет как в копеечку...

Упрямство стояла в отдалении, но всё же в пределах слышимости. Она слышала весь трёп Лени, но считала, что с Ленью и без неё разберутся. А вот Страх... К Страху у неё были личные счёты. Он спелся с Обидой-на-Весь-Свет, и вместе они подложили Упрямству ха-а-рошую свинью... Да и при всей своей грубости она любила Сердце и его жителей и хотела, чтоб было ясное небо над головами, а не гнетущая тьма... И характер... ох, уж если Упрямство за что-то взялась, дело чести – закончить любой ценой...

Между тем вернулась Работа, неся четыре больших палки, кучу мелких прутиков и солидный кусок коры. Воткнула палки по периметру, принялась вить веревку.

– Веселье, – сказала вдруг она, – а чего это за гробовая тишина? Я, знаешь ли, не кладбищенский сторож. А ну, вдарь нашу любимую!

Веселье порылась в карманах, вытащила что-то плоское. Дёрнула за верёвочку – с грохотом появилась гармошка. Привычным движением ухватившись за неё, Веселье тронула лады, а потом заиграла. Да куда там заиграла – рванула что есть духу! Ух, эх: заплясали каблуки и голые пятки. Ну, кто просто так отбивал.

Работа постукивала ногой, мурлыкала под нос и продолжала заниматься своим делом. Вот она уже натянула готовую верёвку несколько раз над вбитыми палками. Ловко сплела навес из прутьев и приспособила его на готовый каркас.

– А это на случай дождя, – сказала она и, стянув спецовочную куртку, набросила сверху. И снова убежала за ограду.

Веселье между тем прекратила играть. Её просили на бис, но она сказала, что хорошенького помаленьку.

Не танцевала только Лень. Она стояла, сложив руки, в полной растерянности. Лень совсем не умела «обустраиваться», хотя философией владела хорошо... И ещё – её злила музыка, но внутри сидел маленький чёртик и подзуживал: а ну спляши, у тебя это выйдет. Лень отмахивалась от него и злилась ещё больше.

Работа принесла охапку какой-то травы.

– Это вереск, – заявила она. – На нём мягче всего спать. Я его приметила, ещё когда сюда шли. И дерево поваленное – молния, наверное, – щелкнула она по палкам. – Сейчас еле нашла это место...

Бросила охапку в свой шалаш, взбила и завалилась на неё. И ногу на ногу закинула.

– Всё, – говорит, – можно лежать и в потолок поплёвывать. По-хорошему надо бы ещё еды добыть, но мы только что пообедали...

– Погоди, я хочу спросить, – сказала Мечта. – Вот это называется работать? Это же весело, интересно... Даже... даже незаметно, что надо было что-то делать...

– А Леня вас воспитала, что работа – это обязательно полная нудятина, – улыбнулась Работа.

Мечта смутилась.

– Но ведь всегда говорят, что работать – трудно...

– Трудно... – Работа ухмыльнулась; белые зубы и белая блузка с передником удивительно гармонировали со смуглой кожей. – Да, я трудная! – крикнула она и вылетела из шалаша как резиновый мячик. – Я трудная, вредная и ворчливая! Это правда. А что я нудная и монотонно капаю на мозги – нет. Меня такой делает Серость... – Работа странно изменилась в лице, как будто ей было больно. – И Скука. У вас же они были? Ну вот... Они кого хошь – хоть Любовь, хоть Мечту, хоть Веру – опошлят, всех красок лишат и такое сделают, что лучше б догола раздеть и через площадь прогнать – и то позору меньше. Чего уж про меня с Весельем говорить, – добавила она еле слышно. – Из нас давно уже марионеток сделали...

– И никто с ними справиться не может, – грустно добавила Веселье. – Только Негасимый Огонёк...

– Вот это да!! – раздался дружный вздох.

Вечернее прозрачное небо, облака играют в догоняшки. Ласковое солнце над горизонтом. Округа тонет в зелени, и замок – такой красивый, такой родной... И лица вокруг – тоже родные.

Это Страх убежал. Не выдержал натиска Упрямства. Да и то сказать – никто внимания не обращает... Убежал в подвал, мышкой обернулся. Сидит и плачет горячими слезами.

– Бедный я, несчастный, – всхлипывает он. – Никто меня не любит, сам не знаю, что хочу. И никто меня уже не боится... Уйти мне, что ли, отсюда? И правда, уйду – куда глаза глядят...

Мышонком выбрался Страх из подвала, проскользнул за ограду, обернулся собой и пошёл, голову свеся.

Отошёл уже на порядочное расстояние и вдруг слышит в кустах подозрительный шорох. Остановился.

Среди листьев мелькнули белокурые лохмы, и на дорогу выбралась Любовь.

– Ну и чего ты за мной увязалась? – тусклым голосом спросил Страх.

– Страх, – неуверенно спросила Любовь, – а ты уходишь от нас, да?

– А зачем я вам нужен? – фыркнул тот. – Меня тут толкают, обзывают, решето из меня делают...

– Ну, это пройдёт, ты только не уходи. Нам тебя не хватать будет...

– Ой, ладно врать! Кому я тут нужен! – отвернулся Страх.

– Мне...

– У тебя Огонёк есть.

– Да, но мне всех надо! Ты не уходи, а... – Любовь подошла, обхватила ручонками морщинистое лицо Страха и заглянула в глаза. – Не надо. И не плачь.

– Никто меня не любит, никому я не нужен, – грустно, как побитая собака, сказал Страх. – А я... а я хороший. Я знаешь, чего умею делать? – вдруг оживился он. – Вот, гляди.

Он выудил из-за пазухи верёвку, привязал между двумя деревьями, лихо взобрался на неё и начал откалывать трюки: то бежит по ней, то на одной ноге крутится. На руках прошёлся...

– Вот это здорово! – захлопала в ладони Любовь. – А меня этому научишь?

– Я ещё могу ходить над пропастью, бегать под пулями, усмирять разъярённых хищников, – продолжал Страх.

– И ты не боишься? – восхищённо спросила девочка. Глаза у неё засверкали зелёным огнем, а волосы – рыжим. И рот открылся.

– На то я и Страх, что меня все боятся, а я – никого, – усмехнулся Страх.

– Ну, я же тебя не боюсь, – ответила Любовь.

– Ты – статья особая, – вздохнул Страх. – А что, коли хочешь, я научу тебя всему, что сам умею. И будет тебе везде дорога, и будешь ты проходить все преграды – на земле, на небе ли, в море или в сердце человеческом. Потому что ты одна – королева по праву...

– Я не хочу быть королевой, – сморщилась Любовь. – Я хочу быть принцессой, это куда веселее.

Страх улыбнулся и почему-то совсем перестал быть страшным.

– Ну и будь ей. Про королев – это так, байки одни... – и он заёрзал на верёвке, усаживаясь поудобнее.

Вдруг Любовь почувствовала, что её кто-то обнимает за плечи. Вздвогнув от неожиданности, она развернулась... и уткнулась во что-то мягкое, зелёное и противное, от чего воняло водкой.

Это Тоска вышла погулять. Надоела Тоске её зелёная башня прямо до зелёных чёртиков. Иногда ещё розовые слоны перед глазами плавали – после бутылки-другой. А чего ещё делать-то, как не пить? Пробовала с Чёрным Омутром роман завести – не понравилось. От прежнего хозяина – Юмора – остались в башне какие-то книжки, Тоска на них поглядела, полистала да и бросила в угол. Вскоре они отсырели...

Вот и пьёт Тоска горькую с утра до вечера. А по ночам не спится ей – бессонница. Лежит Тоска и на звёзды любуется – койка её у самого окна стоит. И думает она: может, там, на далёких звёздах, есть другая жизнь... Яркая, наполненная до краев. А здесь... здесь всё не то и всё не так, как должно быть. Здесь жизнь неправильная.

Вконец измотали Тоску эти думы. Перессорилась со всей своей родней, забыла, когда последний раз воздухом свежим дышала. А тут сидит, значит, с очередного похмелья и вдруг слышит: наяривает кто-то на гармошке, да так лихо!.. Тоска сморщилась и застонала: мало того, что голову разносит, так ещё и зубы заныли! А зубы у неё всегда ныли, едва она видела или слышала что-нибудь весёлое.

Решила Тоска спуститься и посмотреть, в чём дело. Надо сказать, двигалась она со скоростью, приближённой к черепашьей, так что все уже разойтись успели. Кто-то её, правда, окликнул, но Тоска не отозвалась. Её почему-то вдруг потянуло пойти... пойти, куда ноги несут. И странное дело: вынесли они её к тому местечку, где Любовь и Страх болтали.

– ...Не надо меня обнимать! – вырвалась Любовь и отпрыгнула в сторону.

– Да ты, дура-девка, что о жизни знаешь? Тебе напел в уши этот старый болван, ты и поверила... А жизнь, она, – Тоска внезапно наклонилась к Любви и горячо зашептала, – она грубая и жестокая, у неё свои законы. И вся красота, всё, что в ней есть хорошего, – слишком быстро вянет и умирает. Смотри сюда! – Она выпрямилась и сорвала лист с ближайшего дерева. – Видишь? Он зелёный. Сейчас лето. Но будет осень – он пожелтеет, скукожится и упадёт. Да, конечно, скажут, что он удобрит землю, что потом вырастут другие листья... Другие – да. Но не этот. Его уже не будет, – Тоска растёрла лист в ладонях и выкинула.

– А кто знает, какая свежая сила текла по его жилам, как сверкали на солнце и гонялись друг за другом хлороформинки... Какие песни он пел на ветру – этого уже никто никогда не узнает, – задумчиво сказала Тоска и сплюнула.

Любовь хлопала глазами и молчала. Признаться, такое она слышала в первый раз...

– Ну, чё пудришь мозги девчонке? – проворчал сверху Страх. – Ты баба здоровая, чёрт с тобой... А ей зачем? Вырастет, успеет ещё... А сейчас в куклы играть только.

– Назвала я тебя болваном и не ошиблась, – сверкнула глазами Тоска. – Понимаешь ты, нет, что, если она только в куклы будет играть, из неё человека не вырастет!

– Ой, нахваталась ты всяких высоких материй... А они совершенно даже лишние...

– Ну, знаешь!.. – Тоска разозлилась не на шутку. – Высокие материи! Да мне на них начихать! Я даже книжки читать ненавижу, если хочешь знать. А всё, что я говорю, – это всё из жизни, из этой... – и она прибавила заборное словцо.

– Да прекратите вы или нет! – срывающимся голосом крикнула Любовь. Она стояла, прижав ладони к вискам, а глаза у неё были каждый с монету. – Это... это получается, мы все умрём? И я, и все, кто там, – она махнула в сторону замка, – и, говорят, за пределами нашего королевства тоже люди живут – они тоже все исчезнут?

– А куда они денутся, – усмехнулась Тоска. – Сдохнут как миленькие...

– Нет, потом снова оживут, – вмешался Страх. – И не будет бед и горестей. Хорошо будет...

– Хорошо? Всегда-всегда хорошо? – спросила Любовь. – Но ведь это... скучно.

– Да он бает – сам не знает, – прошипела Тоска. – Говорю тебе – перемерут все, как мухи, и точка!

Любовь замолчала и уставилась куда-то вдаль. Потом заговорила, ни к кому не обращаясь:

– Я уже умирала. Вернее, я думала, что я совсем умерла, но оказалось по-другому. Я не верю в смерть. Это неправда. Не может вот это всё: и поляна, и деревья, и вот это вдаль, такое красивое и непонятное, – она вытянула руку в сторону горизонта, – и что мы все тут живем, такие разные, и мы то смеемся, то что-нибудь у нас не ладится – но вот это всё не может взять и пропасть.

– Много вас было таких... неверящих, – усмехнулась Тоска, но глаза у неё не смеялись. – Не верили, даже когда петля на шею накинута была... Да только чтоб умереть, веры в смерть не требуется. Вот. А все живут, и им на это наплевать. А я-то помню... Только и отрады, что напиток и забыться...

– А зачем забывать? – спросила Любовь.

– Ты... легко тебе говорить! У тебя не жизнь, а прогулка по цветущему лугу. А я пороху нанюхаться успела. В прямом и переносном смысле. На, любуйся! – и Тоска с силой рванула ворот платья. Показался рваный шрам, он шёл наискось от груди через живот.

Страх сначала вытянул голову, потом втянул её обратно и, наконец, ворчливо заметил:

– Это всяко не от пороху, а от холодного оружия – ну там кинжала или сабли какой. Если б тебе взрывным устройством брюхо разнесло, ты бы тут не болтала.

– Цыц, тыловая крыса! – огрызнулась Тоска, запахивая рваное платье. – Сам-то, поди, на печи отлёживался, как Емеля, а – туда же...

– Ну, не скажи! Я тоже, можно сказать, герой: меня сегодня целый день расстреливали, – возразил Страх и напустил на себя гордый вид. – Да вон у неё спроси, соврать не даст.

– Жаль, что не дострелили, – фыркнула Тоска и прислонилась к дереву.

– Мне Романтика и Упрямство рассказывали, конечно, как умирают, но там это по-другому было, – задумчиво сказала Любовь, теребя сорванную травинку.

– Геройски, что ли? – ответили ей язвительным вопросом. – Если б ты знала, какая на самом деле дрянь – все эти ваши геройские смерти...

– Нет, не знаю! Не знаю! – с вызовом повернулась Любовь. – И знать не хочу! Но даже если и так... – она помолчала. – А вот я знаю штуку, которая даже смерть объегорит. Вот!

– Чего ты там ещё придумала? – опасно спросил Страх.

– Ничего я не придумала, это было, есть и будет! Только я не знаю, как её назвать. И ещё... Тоска, ты не пей больше, ладно? Водка ничего решить не поможет, – Любовь подошла к ней вплотную.

– Да ты просто дурочка... – начала Тоска и вдруг осеклась. – Что это со мной? – вдруг воскликнула она. – Из меня что-то уходит... Я таю... – и она действительно начала обретать прозрачность. Болотно-зелёный цвет платья побледнел, поголубел, вот уже сквозь него просвечивает местность... Черты лица разгладились, ушла излишняя резкость, и лицо тоже стало расплываться, как отражение в ветреный день.

– Что это? Я делаюсь легче, свободнее, – прошелестела Тоска. – Я... я превращаюсь в Грусть, я поняла.

Страх хлопал глазами, рискуя свалиться с верёвки. А Любовь стояла и пристально вглядывалась в Грусть.

От неё уже остался тонкий, еле видный силуэт. Ещё видны брови, изогнувшиеся в удивлении. Но вот уже не видно ничего – лишь лёгкий шелест пронёсся на месте, где только что стояла Грусть, и донеслось: «Я ещё вернусь...»

Страх потёр лоб, затем спрыгнул на землю и смотал верёвку. Спрятал её за пазуху.

– Слышишь, Любовь, – проговорил он, – пошли в замок.

Любовь молчала. Потом повернулась, поглядела по сторонам, на небо, на дорогу. Вздохнула и ответила:

– Пошли.

Лень медленно брела по Сердцу. Пинала камушки, что подворачивались под ноги, а один раз даже схватила булыжник и швырнула его в кусты. С обиженным чириканьем оттуда выпорхнула стайка щеглов.

– Ну, вы, паршивцы, – погрозила Лень кулаком вслед улетевшим пичугам. – Кажется, всем уже на меня наплевать, никому нет дела до бывшей правительницы...

Она запрокинула голову, глядя в небо. Там плясали облака и летали бабочки. «Эх, мне бы крылья, как у птицы... А ещё лучше – птицей стать. Я бы слопала всех этих бабочек, а потом полетела – куда глаза глядят, куда ноги... тьфу, крылья несут. Улететь бы в страну, где реки молочные с берегами кисельными... И где вишни сами в рот падают – только рот пошире разинь...»

Замечталась Лень... Аж глаза от удовольствия закрыла. Но тут какая-то бабочка пролетела слишком близко, крыльями по лицу задела. Лень очнулась, выругалась. И разревелась вдруг – ужасно! Развернулась в сторону замка и давай сыпать проклятиями сквозь слёзы. Душу отвела, успокоилась, наконец.

– В общем, – сказала Лень самой себе, шмыгая носом, – я ещё посмотрю, на сколько их хватит и как Сердце их выдержит, а сейчас меня интересует только одно: где бы найти приличную лежанку?!

Неизвестно, из чего она соорудила себе ложе. Не иначе из вереска, по примеру Работы. Ну да хватит уж церемониться с Ленью – никто о ней не горевал в замке. Там и без неё неплохо.

– ...Так! А теперь я бы очень хотела знать, что здесь творится за бедлам! – раздался трубный глас. Глашатай был не в духе – это сразу стало ясно.

– Совесть! – ахнула Мечта.

– Да, я Совесть! Что, не ждали? Напоили меня какой-то дрянью, так что в отключке валялась незнамо сколько! Хорошо жить, когда совесть без задних ног дрыхнет, я не спорю...

– Так хорошо, что лучше быть не может, – пробормотал Скептик.

– Нравится такая житуха? В Сердце бардак развели, проходимцев набилось – яблоку негде упасть! Поди, ещё подрались тут – то-то, гляжу, все перевязанные...

– Да, а повязки-то, наверное, можно снимать? – спросила Романтика и принялась разматывать бинт с руки.

– Конечно! – откликнулась Вера. – Их давно уже можно было снять, я просто забыла про это...

И все принялись сдёргивать бинты и отдиирать пластыри.

– Ой, смотрите, – воскликнула Мечта, – на мне даже платье затянулось! Тут дыру прожгло, а сейчас снова ткань целая...

– Это как так? – удивился Юмор.

Вера ухмыльнулась:

– Я ещё и не то умею...

– Хватит зубы заговаривать! – вконец обозлился стражник. – Вы мне отвечайте чётко и толково, что вы тут натворить успели и как вы

дальше жить собираетесь! – Совесть всё больше накалялась, как электрическая лампочка.

Все молчали, переглядываясь. Пока сзади кто-то не проворчал: «Нет, братва, так дело не пойдёт», – и вперёд вышел Негасимый Огонёк, засунув руки в карманы.

– Ты вот, Совесть, вылезла из спячки, как медведь, и шумишь, не разобравшись. А если бы ты знала, какая отборная гвардия здесь набилась, и как её лупили в хвост и в гриву – ты бы по-другому разговаривала.

– Мы же Лень победили! – крикнула Мечта.

– Унынию по шее дали!.. Обида-на-Весь-Свет сдохла!.. Чёрный Омут изжили!.. Серость смылась как мыльная пена!.. Покой убежал!.. – со всех сторон зашумели, загомонили... Каждому почему-то хотелось, чтоб именно его услышала Совесть. И потому невольно думалось – а что я-то сделал там-то и там-то, и вообще что-нибудь сделал хорошего?

А Совесть стояла, вслушивалась в этот шум, и на губах у неё проступала растерянная улыбка.

– Вот вы какие, – наконец медленно проговорила она. – А я совсем ничего не помню... Ровно провалилась куда-то после той чарки...

– Тебе Лень чего-то подмешала, – сказала Романтика. – Мне Надежда говорила – она слышала, как Лень хвасталась Чёрному...

– Хм... Однако... Однако неплохо у вас получилось, в итоге-то! – рассмеялась Совесть. Но быстро став серьёзной, спросила: – Только вот зачем вам стражник, который валялся в пыльном чулане? Получается, я и не нужна вроде?..

– Вроде Володи, под вид Кузьмы! – резко перебил Огонёк. – Ты это брось такие сказки! Здесь ничего ещё не кончено, и, чтобы всякая гадость не мешала спокойно жить, ты нужна.

– Спокойно жить? – переспросила Совесть. – Вы ж вроде сказали, что Покой убежал.

– Не придирайся к словам! – вспылil собеседник. – Покой ушёл – и чёрт с ним! Но есть вещи, которые мешают не покою, а *нормальной жизни*! Чтобы их не было, и нужен стражник – почему я должен тебе это объяснять, как малолетке!

– Нормальная жизнь? Огонёк, ты не мог бы уточнить, что это такое? – язвительно спросил Скептик.

– Могу, – улыбнулся Огонек. – Это как раз всё то, что не нормально.

– А что, – внезапно улыбнулся и Скептик, – мне такое определение нравится.

– Значит, я могу быть дальше стражником? – задумчиво спросила Совість.

– Не можешь, а должна, – откликнулась Романтика.

– Ага. А я вам скажу, что завтра с утра мы начнём это безобразие в человеческий вид приводить, – прорезался голос Работы. – Мне на него и смотреть противно, но сейчас уже поздно...

– Значит, завтра с утра пораньше? – вздохнула Мечта.

– А ты думала, мы будем на твои прелести любоваться? – ворчливо сказала Работа. – Красива ты, спору нет, да с лица воды не напьёшься, а подолом не укроешься... Да ты не бойся, – она обняла Мечту за плечи и, увлекая в сторону, зашептала, – ты будешь придумывать, а я буду делать. Я не умею фантазировать, проектировать – я могу делать что-то конкретное. А ты вся соткана из воображения, но с реальностью связи слабоватые... Вот увидишь, в одной упряжке мы завезём воз туда, куда и Макар телят не гонял! – засмеялась она.

Засмеялась и Мечта... Потом спросила:

– Работа, ты кого-нибудь любишь?

Та прищурилась:

– К чему это подобные вопросыки?..

– Ну... просто интересно. Ты вот вся такая практичная, упрямая – наверное, должна влюбиться в какого-нибудь романтика. Противоположности ведь притягиваются.

– Притягиваются... – вздохнула Работа. – У меня жениха Скука увела.

– Как это?

– А вот так. Взяла и свихнула мозги набекрень. И без неё-то он Дурак был, а сейчас и вовсе...

– Дурак? – удивилась Мечта. – А зачем тебе Дурак-то?

– Во-первых, стара, как мир, фраза: любовь зла, полюбишь – известно кого. А потом... а чем вообще плох Дурак? Вот вы все: Дурак, Дурак, мол, ногтя не стоит... А он возьмёт и чего-нибудь... такое сделает, вы ахнете. А я буду женой гения! – с шутливой гордостью сказала Работа. – Только вот, – помрачнела она, – он теперь на меня и смотреть не хочет... Скука, вишь ты, яркая женщина, цветастый полушалочек... А я... – она оглядела свой заляпанный костюм и рукой махнула, – да что тут говорить!

– Да он точно дурак! – возмутилась Мечта. – Я видела Скуку – гроша она ломаного не стоит! Ни рожей, ни характером.

– Гроша... А она не за гроши, она бесплатно. Это за меня гроши и грошики швыряют, как собачке подачку под стол...

– Отбей! У тебя получится! – уверенно сказала Мечта.

– А чего ж ты не отбиваешь? – указала Работа глазами на Огонька.

– Я не умею... и не хочу! На чужом разбитом корыте себе хором не выстроишь. Но у тебя же совершенно другое!

– Что, коли Скука, так у неё разбитого корыта быть не может? – усмехнулась Работа. – Мне на Скуку плевать, но тянуть на аркане – это баржу по реке хорошо. Тьфу, да о чём я, и там паршиво! Ну вот видишь... С практикой арканной тяги я хорошо знакома и скажу, что видала я её в гробу, а на этом гробу пусть танцуют...

На другом конце двора тоже болтали о любви.

– Ты не представляешь, как я по нему соскучилась уже! – говорила Вера, уютно устроившись под сенью красной башни. – Вроде я и ушла-то не так давно, и мне нравится по новым местам бродить...

– И обязательно опять чего-нибудь не поделите, – язвительно вставила Веселье.

– Ой, не говори! – махнула рукой Вера. – Он такой вредный! И въедливый – к чему прицепится, так уж не отстанет, пока до глубинки не докопается.

– И что ты в нём нашла только? – вздохнула Веселье. – Как вспомню этого типа – в этом дурацком клетчатом костюме, в очках, с шарфом и вечной трубкой в зубах! Кошмар!

– Да, с трубкой, – нимало не смутившись, ответила Вера. – Правда, может, из-за меня теперь и бросит – беременным табак вреден.

– Че-го? – у Веселья челюсть отвисла. – Уж не хочешь ли ты сказать...

Вера только засмеялась в ответ.

– Да у вас же детей вообще быть не может! Я до сих пор помню, как на свадьбе вперемешку с «Горько!» орали: бездетный брак!

Вера в ответ лишь хмыкнула.

– Так чего ж ты молчала, зараза! – крикнула Веселье и кинулась обнимать подругу. – Но... постой, как тебя Разум вообще отпустил? Тебе ж нельзя сейчас путешествовать и вообще... по заборам лазить...

– Это кто сказал, кто-то умный? – спросила Вера. – Так передай, что он умный, но не разумный. Бедные наши дети, – вздохнула она и засмеялась.

– Это ещё почему?

Ответить Вера не успела, потому что красная башня ни с того ни с сего заходила ходуном, в ней что-то загрохотало, зазвенело, завопило и завизжало, как будто это была не башня, а мешок, набитый поросятами.

На полной скорости оттуда вылетела Дурь, как всегда лохматая. На шее у неё болтался медный таз вверх дном на верёвочке, она лупила по

нему какой-то железякой. На ноги Дурь зачем-то привязала по обломанному кирпичу, на каждом шагу подпрыгивала и потрясала ими.

– Але-гоп! – завопила она и прошлась колесом. Таз свалился с неё и покотился по двору, издавая звон сродни набату.

К упавшей Дури подошла Веселье и спрашивает:

– Послушай, как тебя зовут?

– Меня – Дурь! – крикнула Дурь, яростно блеснув глазами.

– Дурь?.. Но разве не обидно так зваться?

– Обидно? – на минутку она задумалась. – Нет, нисколько! – Дурь резко взмахнула головой, так что волосы стали походить на копну сена. Тут она спрыгнула с подоконника и налетела на Юмора.

– Вот же смерч в юбке, – пробормотал он. – Ты... ты акробатка, что ли?

– А что это значит? – спросила Дурь.

– Это когда всякие трюки делают: прыгают, лазают; колесом ходят, к примеру, как ты сейчас.

– Так чего, я акробатка? – озадаченно спросила Дурь. – Это, а там стучат и гремят ещё, да?

– И вопят, – добавил, еле сдерживая улыбку Юмор. – Всё-таки, зачем тебе это?

– Ну... – Дурь почесала в затылке. Подобных вопросов ей никто не задавал. Её либо гнали взащей и лупили, либо носили на руках и ловили каждое её слово, лексикон коих был весьма убогим. – Ну... Мне так нравится, короче.

– А как, по-твоему, другим нравится? – спросила Веселье.

– А мне какое дело!

– Понимаешь... Конечно, никто не говорит, что любое выступление должно всем нравиться, но... это должно быть чем-то связным, смысл иметь какой-то. Хороший артист долго продумывает и форму, и содержание, прежде чем выступить. Иначе это неуважение к публике.

– Чего? – растерянно спросила Дурь. – Первый раз слышу...

– Знаешь, тебе надо было идти в цирковые артисты, – сказала Веселье, – у тебя бы получилось. Или куда-нибудь в бродячий балаганчик. У меня там есть хорошие знакомые... Могу тебя устроить, если захочешь.

– Что, вдвоём воспитываете одного и воспитать не можете? – спросил подошедший Скептик. – А ты-то не поддаёшься воспитанию, правда? – подмигнул он Дури.

А Дурь стояла с раскрытым ртом и что-то лихорадочно соображала. Но стоявшие вокруг мешали ей это делать, и в следующую минуту она сорвалась с места и убежала в свою башню – для того, чтобы через слуховое окошко вылезти на крышу и усесться

там. И думать – наверное, первый раз в жизни... И ещё умудриться при этом болтать ногами.

А внизу народ непонятно почему сконцентрировался у подножия красной башенки. Может, как раз потому, что она такая яркая, зажигающая – говорят же, что и пчела на красный цветок летит.

– Да-а-а, – протянула Вера, – чудесное у вас королевство, спору нет. Да только надолго мы не задержимся. Вот поможем порядок навести – и айда...

– И правда, – откликнулась Веселье, – дел-то у каждого невпроворот... Но вы не думайте, мы по себе память хорошую оставим... – и она начала разглаживать складки на своём цветном лоскутном платье.

– Память! – фыркнула Работа. – На кой чёрт мне память! Я жить хочу здесь и сейчас. Мне тут вообще понравилось. Хорошо здесь... – она привольно вздохнула и запрокинула голову. – И я хочу заниматься тут чем-нибудь интересным, а не чтоб обо мне была всякая дурацкая память, как по мёртвой...

– Не может быть память дурацкой!

– Так ты что, здесь насовсем остаться хочешь?

Это одновременно воскликнули Вера и Мечта. И сразу же после них спросил Скептик:

– Почему тебе так не нравится память, даже о мёртвых? Ты тоже когда-то умрёшь, но от тебя что-то останется – по-моему, это совсем не плохо.

– Я помру? – Работа глянула на Скептика и захохотала. – Ой, умора! Так вот, граждане дорогие, заявляю вам, что я помру не раньше, чем в день конца света. Да и... – она насмешливо оглядела окружающих, – вы, пожалуй, тоже.

– Так я в это и поверил, – проворчал Скептик.

– Так ты что, и правда, здесь насовсем останешься? – спросила Романтика.

– Этого я не говорила...

– Эй, Огонёк, – окликнул Почемучка, – и ты тоже, поди, смоешься, да?

И все почему-то на Огонька заоглядывались. А тот смутился и нахмурился – страсть как не любил подобных вещей. А потом ответил:

– У меня бродяжничество в крови. Не могу на одном месте сидеть, как бы хорошо не было. Мне это хуже каторги. Но я не забываю мест, где был, бывает, и возвращаюсь...

– Или тебя не забывают, – тихо сказала Мечта.

Огонёк поглядел на неё и засмеялся.

– Дурачьё! Сказал же: возвращаюсь. И сюда вернусь – дайте только срок...

– Люди добрые, видали вы такое: сам на срок напрашивается! – захохотала Упрямство.

Её поддержали, и Огонёк смеялся громче всех. Не смеялась только Любовь. Она слушала, как он смеётся, глядела на его профиль, на то, как резким движением убрал со лба волосы, – и глаза у неё наполнялись слезами, как яма водою в дождь.

– Мы больше никогда не увидимся, – еле слышно проговорила Любовь.

Огонёк услышал, и смех ему будто выключили. Развернулся к ней, на одно колено опустился, чтоб в росте сравняться. За плечи обнял, и наплевать ему, сколько народу на них глазает.

– Любовь... Ну, что ты, успокойся... Я тебя видеть такой не могу – ты ж того гляди рассыплешься... Послушай, Любовь... – Огонёк отвернулся. – Чёрт, не умею я любовных слов говорить! Ну что нам делать, а? – спросил он у Любви. А та глядела на него, и в глазах у неё двоилось, троилось, плясало и переворачивалось. От слёз, которые почему-то не желали капать.

– Просто ты уйдёшь, а я останусь. Нет, я не держу тебя, но... мы никогда не встретимся.

– Кто это там никогда не встретится? – прозвучал от ворот чей-то знакомый голос.

Все обернулись.

– Надежда!! – со всех сторон понеслись восклицания. Пришедшую обступили кольцом и наперебой здоровались. Ещё бы, не она – так бы и торчали в королевстве Лень да Обида, Чёрный Омут да Скука. Так бы и сидели каждый в своей норе, как суслики зимой. Да и то сказать – без Надежды жизнь... что-то уж совсем несладкая.

Только Любовь с Огоньком остались в сторонке. Огонёк медленно поднялся, отряхнул от земли штанину и зачем-то нахмурился.

Подошла к ним Надежда. Обняла Любовь и говорит Огоньку лукаво:

– Не зря мне, видать, почудилось, что именно ты Любовь разбудишь!.. Так, а с какой стати вы, дурни, расставаться собрались? Или я ослышалась – стара стала... – усмехнулась она, тряхнув седыми волосами.

– Ничего ты не ослышалась, – проворчал Огонёк, – Просто, что нам ещё остается делать, если я не могу оседло жить – и её с собой взять я тоже не могу... Она ещё маленькая и вообще...

– Ну, ты же не сейчас уходишь, верно? – спросила Надежда. – И не завтра с утра пораньше. Так кто вас сейчас-то разлучает?.. А что потом будет – увидим. Наперёд знать не интересно.

Любовь в упор посмотрела на Надежду, затем сорвалась с места, схватила Огонька за руки и закружила, крича что-то несуразное.

– Маленькая... Не гляди, что маленькая! Вырастет! – крикнула Надежда.

«Он вырастет, станет известным,
Покинет пенаты свои.
Окажется улица тесной
Для этой огромной любви»...

Это говорил Скептик. И говорил, глядя на Романтику. Надо сказать, что толпа вокруг них мигом рассосалась: выдерживать вторую подряд любовную сцену, да ещё ту, что завёл Великий Скептик, – увольте, это было слишком.

– Дошёл я до ручки, – сказал Скептик и опустил голову. – В лирику ударился. Какой из меня теперь скептик...

«На всех перекрёстках планеты
Напишет он имя её»...

– задумчиво глядя куда-то в горизонт, продолжила Романтика.

– Да, я напишу твоё имя на всех перекрёстках нашего Сердца, – просто сказал Скептик, подходя и обнимая её.

– А я внизу подпишу: Скептик! Чтобы уже никто не смеялся, – добавила Романтика, счастливо мурлыкая.

– Да какое нам дело, если кто и будет смеяться? – возмутился тот.

– Ага, ага, а что ж мы тогда, как дураки, друг от дружки бегали?

– Ну... – Скептик попытался сделать глубокомысленную мину, но это ему не удалось.

– Слушай, Романтика, – сказал он через некоторое время, – я вот думал...

– Индюк тоже думал, – засмеялась она и отбежала в сторону. Стоит и смеётся, а ветер треплет розовое платье.

– Я серьёзно, а ты...

– А я несерьёзная! Твоей серьёзности на двоих хватит и ещё на пол-Сердца останется, а я ей не была и не буду! Лови, не догонишь! – и Романтика побежала. А Скептик... побросал всё свое оружие, кое-как стянул кольчугу (ох и грохоту было, когда он швырнул её на кучу железного хлама!) и побежал за Романтикой. Но маленький кинжал при нём таки остался: с таким народом держи ухо востро!..

В общем, они побежали гоняться друг за дружкой, а вслед им пролетели и шмякнулись, издав очередное грохотанье, два кирпича. Это Дурь, наконец, отвязала их с ног и с улюлюканьем швырнула

вслед убежавшей парочке. Те, конечно, даже не заметили, а кирпичи умудрились приземлиться аккуратно на брошенную кольчугу Скептика.

– Что ты будешь делать, никакого покоя нет, – проворчал Юмор.

– Какой покой! Ты о чём! – засмеялся Огонёк (он шёл рядом с Юмором, а в серединке, держа их за руки, пристроилась Любовь). – Эх, у нас такая здравая песенка есть про Покой... – и он до того задорно пропел пару куплетов, что все трое захохотали.

– Слушай, Огонёк, – спросил Юмор, отсмеявшись, – это всё хорошо, только... Покоя нет – а что есть? И... что нам вообще делать?

– Это ты меня спрашиваешь? – пожал плечами тот.

– А кого?!

– Вот это здарсьте! Я чего – справочная энциклопедия? Я и сам не знаю...

– Ну, должна же быть у людей цель какая-то...

– Цель... – Огонёк улыбнулся и задрал голову. – Наверное, она скоро появится...

– Она, что, с неба падает? – поинтересовалась Любовь.

– Цель – это же комета. Хвостатая такая, носится среди звёзд...

Любовь тоже глянула вверх и вдруг закричала на весь замок:

– Ой, глядите, какой закат алючий!

Вырвалась вперёд, побежала и взгромоздилась на ограду. Стоит, покачивается.

Мальчишки переглянулись и тоже за ней полезли. И ахнули.

Закат, и правда, алючий – другого слова не подберёшь. Уж так привольно развалился он на горизонте, словно у себя дома на диване. И вроде ухмыляется со своего ложа: дескать, вот я какой красивый. Любуйтесь на меня. А на него и впрямь любят. Слышали, как Любовь кричала, – глотка у неё звонкая.

Небо над головами прозрачное-прозрачное. Будто его и вовсе нет или потрогать можно, руку в него окунув. Но недолго это длилось – вот оно уже густеет, темнеет, закат гаснет...

– Он сейчас исчезнет, – тихо вздохнула Мечта.

– Зато звёзды появятся, – ответила Надежда.

И впрямь – то тут, то там завспыхивали, заискрились звёзды. А среди звёзд...

– Глядите! Вон она! Ну, я же говорил! – Огонёк даже заприплясывал, рискуя свалиться с ограды. – Вот она, комета-цель!

По небу неслась с шипом и свистом, волоча за собой длиннющий хвост и плюясь огнём, громадная комета. Цветом она вроде красная, но то по ней бегают какие-то синие искорки, то хвост заиграет зелёным или жёлтым, как у хорошего павлина.

– ...Но как же её достать?! – воскликнула Упрямотво.

– А знаете, что я вам скажу, – медленно проговорил Огонёк, – гоняться за ней даже интереснее, чем поймать и засунуть в мешок...

Ночь. Темнота и тишина над королевством Сердце. Кое-где мышонком шуршит ветер. Устало за день королевство, спит оно.

Да не все в нём спят. На верхушке сторожевой башни Совести Любовь и Негасимый Огонёк сидят на самом краешке и болтают ногами. Ещё раздобыли где-то мешок сушёных вишен, ягоды уплетают, а косточками плюются: кто дальше. Говорят о чём, молчат ли – неважно.

Сидят, значит, оба рыжие. А оно хоть и ночь, да всё равно светло – от луны ли, звёзд, костров ли далеко в степи. Не сводит глаз с двух рыжих голов на вышке Мечта. Лежит, оперевшись на локти, и думает. О Чёрном. Об Огоньке. О том, что ей делать дальше. О Сердце и обо всей жизни, такой странной и непонятной, но при всём том в ней хороша даже неразделённая любовь.

Вот уж кому точно не до сна, так это Скептику с Романтикой. Надоело играть в прятки, стали играть в догоняшки. Устали. Ну ничего, на свете игр ещё много... Правда, характер у них не меняется ни на йоту: оба такие же вредные. Разве что Скептик чуточку, самую малую чуточку стал меньше ворчать. Просто затем, чтобы его ворчание не игнорировали: знаем, мол, чего оно стоит. А Романтика... ох, нет поблизости зеркал, а то бы она не поверила, что может быть такой красивой...

Не спит и Совесть. Выспалась она, все бока отлежала. Теперь ходит по королевству и глядит: везде ли порядок? Там вот надо фонарь навесить, чтоб в яму никто не свалился (ещё лучше и вовсе её засыпать), а тут за кустами кто-то плачет... Чья это всё забота? Ясное дело – стражника.

Вот Почемучка спит. Лежит на спине, раскинув руки и ноги, ещё и улыбается во сне. А снится ему, что он на корабле юнгой. Почемучка давно мечтает о море – стать юнгой и объездить... ну, не весь мир, но половину точно. И вот сейчас ему снятся надутые до отказа паруса, стёртые канаты хлещут по ветру, а капитан кричит: «Девятый вал! Все по местам! Юнга, так держать!»

Юмор тоже спит, он свернулся калачиком. Ему снится, что он качает Любовь на качелях. Качели такие расписные, Любовь взлетает всё выше и выше и так при этом счастливо смеется... И вот, когда качели уже готовы набрать самый высокий оборот, – он вскакивает рядом с Любовью, и они вместе ухают в неведомую глубину...

Без задних ног дрыхнет Упрямство. Ей вроде и сны-то даже не снятся. Но вот откуда-то вылезает рожа Страха и ухмыляется.

Упрямство стреляет в него в упор – раз, другой, третий – бесполезно. В отчаянье она хватается револьвер за ствол и швыряет рукояткой в лицо Страху – и он почему-то делается растерянным, отступает, пропадает...

Вера во сне похожа на девчонку, но загадочная полуулыбка-полуусмешка выдаёт в ней женщину. А видится ей Разум – сидит он на камушке рядом с глубокой ямой, кругом валяются кирка, лопата, потрёпанная тетрадка, ещё какие-то инструменты... Разум сидит на камушке, смотрит вдаль и не спеша курит, пуская колечки. И мерещится ему вдали Верина усмешка...

А вот Веселье, когда спит, совсем на себя не похожа. Потому что, когда она не спит, она ни минуты не сидит на месте и любит побалаганить. А сейчас лицо у неё спокойное, и спит она без сновидений. Да так крепко, что разбудить раньше времени её может только полк барабанщиков или ведро холодной воды под бок.

Хотя лучше всех спится, конечно, Работе. Стара пословица: поработаешь до поту – так и поешь в охоту. Можно добавить: и поспишь так, как никогда не спится Лени на всех её перинах. Вся заваyka в том, что без Работы Скука одолевает. А кто под её власть попал – тот форменным дураком сделался. Кстати, Дурак сейчас тоже спит – под чужим забором. Выселили его из дома за неуплату...

Спит и Страх. Во сне он разметался, раскинулся свободно, чего с ним никогда не бывает в бодром состоянии: вечно крючится да по углам прячется. И вовсе не от стариковского ревматизма и не из-за светобоязни, в чём его как-то обвинили... А снятся Страху совсем не кошмары, а такие лёгкие да радужные сны, что и не всякому ребёнку приснятся.

Дурь видит какой-то фантастический сон: громадная арена, куча людей, зачем-то прыгающих прямо по креслам, а по арене бегают медный таз и повторяет считалочку: «Разик, двазик, третий тазик, а четвёртый – безобразик». Потом снимают купол, сверху спускается рояль, Дурь тут же вскакивает на него и начинает плясать на клавишах, горланя при этом какую-то жалостливую песню. Из рояля показывается морда медведя, затем он вылезает полностью; Дурь садится на него, и вот у медведя вырастают крылья и он летит вверх – сквозь проём в крыше, и дальше, дальше... И деревья машут им ветками: «Счастливого пути!..»

А вот Надежда спала, спала, да что-то её разбудило. Как будто холодком повеяло откуда. Глаза протёрла, видит – это Грусть. Её ни с того ни с сего кошмары замучили. И видятся, и слышатся, и чуть ли уже не руки тянут – полонить бедную и увести в своё царство. Ну, со всех сторон обступили. Куда деваться?.. Надежда на это ответила парой фраз, да таких, что Грусть расхохоталась. После этого они уселись рядышком и проговорили полночи.

Под открытым небом ночует Лень. Странно, но сон от неё бежит. Лень лежит, закинув руки за голову, пытается считать звёзды, но то и дело бросает это занятие и думает: ну почему же она всё-таки проиграла? Почему распался такой крепкий союз четырёх и не спасли даже родственные узы? А какие-то оборванцы, шайка-лейка, разношёрстная компания... Обидно! Но всё-таки – почему?.. Может, у них нашлось что-то такое, чего ни у кого из наших не было? Что? «Вот мне бы такую штуку!..» – ворочается Лень с боку на бок и думает. Пусть подумает. Говорят, иногда полезно.

Безмятежно спит Покой. От хорошей жизни всегда хорошо спится. Это у кого передряги какие-нибудь, так и не уснёшь, простыни мигом жгучими делаются, как на углях лежишь. А у Покоя хорошая жизнь. Ушёл он из Сердца, где всё дико, непонятно, взбудоражено... И правильно сделал. Не созданы они друг для друга – Покой и Сердце. Не ужиться им. Пускай лучше Покой где-нибудь в другом месте свою хорошую жизнь строит.

А про остальных, что из Сердца сбежали, и говорить-то не хочется. Оставили они по себе худую славу да дурную память – и ничего больше.

А Сердце спит. Пускай спит. У него завтра новый день.